

Санкт-Петербургский государственный университет

Юй Ичэн

Выпускная квалификационная работа

Военная лексика в современной фантастике

Уровень образования: магистратура

Направление 45.04.02 «Лингвистика»

Основная образовательная программа ВМ.5622. «Русский язык и русская культура в аспекте русского языка как иностранного»

Профиль «Русский язык и русская культура в аспекте русского языка как иностранного»

Научный руководитель:

доцент, Кафедра русского языка как иностранного

канд. филол. наук,

Донина Людмила Николаевна

Рецензент:

старший научный сотрудник

«Институт лингвистических исследований

Российской академии наук»

Колосько Елена Валентиновна

Санкт-Петербург

2022

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. Семасиологическая характеристика лексической системы современного русского языка	7
I.1. Понятие лексической системы в лингвистике.....	7
I.2. Тематическая классификация лексики	12
I.2.1. Тематическая группа слов.....	12
I.2.2. Лексико-семантическая группа	15
I.2.3. Понятие семантического поля	19
I.3. Определение понятий «военная терминология» и «военная лексика»	21
I.4. История изучения военной лексики в российской лингвистической науке.....	26
I.5. Фантастика как литературный жанр.....	30
I.5.1. Особенности научной фантастики	32
I.5.2. Особенности жанра Фэнтези	33
Выводы по первой главе	39
Глава II. Место военной лексики в современной фантастике.....	42
II.1. Классификация военной лексики в русском языке.....	42
II.1.1. Военная лексика с точки зрения частей речи	42
II.1.2. Военная лексика с точки зрения происхождения.....	51
II.1.3. Военная лексика с точки зрения сферы употребления	53
II.2. Функции военной лексики в языке современной фантастики.....	56
Выводы по второй главе.....	71
Заключение.....	74
Список использованной литературы	77

ВВЕДЕНИЕ

Военная лексика является важной составляющей лексики русского языка, в том числе и в связи с ее активным использованием в художественной литературе. Ученые объясняют причины популярности военной лексики неязыковыми факторами: распространением военных конфликтов, развитием военного дела и продвижением военных технологий. Чем больше люди интересуются военной деятельностью, тем чаще используется военная лексика [Дурду, Агеева, 2019: 35].

Россия ассоциируется с большим количеством передовых вооружений. Россия сильная военная держава. В русском языке военная лексика встречается часто, и в разговорной речи, и в публицистике, и в художественном тексте. Лексика отражает общественные изменения и историю. Войны или военные операции стимулируют обогащение и развитие военной лексики. Например, две Мировой войны способствовали возникновению новых слов в военной области. В обществе передавались военные новости о войнах или военных конфликтах. Поэтому народ узнал много военных слов, которые стали общеупотребительными, а не специальными словами. Подобные процессы активизации военной лексики наблюдаются в русском языке и с февраля 2022 года.

Таким образом, ряд специальных военных терминов превращается в общеупотребительные слова военной тематики (военная лексика) и потом с новыми значениями используется в речевом обиходе или в других сферах, в том числе и в художественной литературе.

Актуальность нашего исследования определяется следующими причинами. Первая – лингвокультурологическая: в России военная лексика на сегодняшний день используется активно как в повседневной жизни, так и в литературных произведениях и фильмах. Вторая причина заключается в том, что семантическое поле военной лексики занимает особое место в лексико-семантической системе русского языка, так как прослеживается и в общенародном слое словарного состава языка, и в лексике ограниченного

употребления. Информация о семантике, правильном использовании единиц военной лексики и частотности их употребления будет полезна для иностранных учащихся. Третья причина заключается в том, что в настоящее время практически не представлен отдельный многокомпонентный анализ военной лексики в художественной литературе, в частности, в современной фантастике.

Необходимо дальнейшее углубленное изучение военной лексики на новом языковом материале. Настоящая работа посвящена исследованию военной лексики, которая употребляется в произведениях современной русской фантастики. Несмотря на то, что военная лексика в литературных произведениях анализируется уже давно, в контексте жанра современной фантастики она является не до конца изученной.

Новизна данного исследования состоит в том, что в работе впервые проводится комплексный лексико-семантический анализ военной лексики в современной фантастике с учётом особенностей методики преподавания русского языка как иностранного.

Целью настоящего исследования является выявление и анализ военной лексики в произведениях современной фантастики, определение целей и особенностей её употребления.

Цель исследования обусловила постановку и решение следующих **задач**:

- Дать определение военной лексики.
- Найти и всесторонне изучить определенные военные термины и фразеологизмы, используемые в выбранных нами произведениях современной фантастики.
- Проанализировать происхождение военных слов и фразеологизмов.
- Составить словник военной лексики из художественных фантастических произведений (с указанием источника, толкованием и примерами использования).

Объектом исследования в данной работе выступает военная лексика в произведениях современной русской фантастики.

Предмет исследования — специфика использования военной лексики в данных произведениях.

Материалом исследования стали тексты следующих авторов:

Сергей Лукьяненко: «Дневной дозор», «Ночной дозор», «Сумеречный дозор», «Звезды — холодные игрушки»;

Ефремов Иван Антонович: «Час быка»;

Аркадий и Борис Стругацкие: «Пикник на обочине»;

Звягинцев Василий Дмитриевич: «Одиссей покидает Итаку» и др.

В ходе исследования военная лексика, извлеченная из фантастических произведений, была сопоставлена с военной лексикой, представленной в научных трудах и словарях, например:

Сороколетов Ф.П. История военной лексики в русском языке (XI–XVII вв.). Ленинград, 1970;

Брилева И.С., Вольская Н.П., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Красных В.В. Русское культурное пространство — лингвокультурологический словарь.

Теоретическая значимость работы заключается в комплексном анализе выбранной нами военной лексики, определении ее роли и значимости в фантастике. Методология исследования может быть применена при анализе текстов других жанров. Исследование вносит вклад в развитие теоретических основ военной лексикологии, в лексикографирование военной лексики в аспекте РКИ, а также расширяет представления о современной русской фантастике.

Практическая значимость: результаты нашего исследования могут быть использованы в вузах на курсах по изучению русского языка как иностранного, в курсах теории лексикологии и терминологии, на семинарах по военной лексике и на методических семинарах.

Для реализации поставленных задач в диссертации использовались следующие методы:

- метод теоретического описания,
- метод наблюдения,

- метод направленной выборки материала,
- описательный метод и его составляющие,
- метод контекстуального анализа,
- приёмы компонентного анализа,
- приёмы лингвокультурологического анализа,
- приёмы частотно-статистического метода.

Исследование имеет следующую **структуру**: введение, две главы, заключение, список литературы и приложение. В первой главе представлена теоретическая база исследования. Во второй главе – практическое исследование корпуса военной лексики из произведений современной фантастики.

В заключении обобщаются результаты, полученные в ходе исследования, а также определяются перспективы использования нашего исследования. В приложение включен Словник военной лексики с толкованиями слов и примерами их употребления в современной русской фантастике.

Глава I. Семасиологическая характеристика лексической системы современного русского языка

I.1. Понятие лексической системы в лингвистике

Лексикой называют словарный состав языка, причем, когда говорят о словарном составе языка, имеют в виду слова в их индивидуальных (лексических — в противоположность грамматическим) значениях. Каждое слово является обозначением какой-то реалии — вот эта способность слов обозначать те или иные предметы, признаки, явления действительности и характеризует слова как единицы лексики. Лексика современного русского языка представляет собой сложную систему, состоящую из различных по происхождению, по сфере употребления и стилистической значимости групп слов.

С точки зрения происхождения различаются исконно русские (*лес, вода, ходить, читать* и т. п.) и заимствованные слова (начиная с древнейших заимствований, вроде *тетрадь, корабль*, и кончая сравнительно недавними, такими, как *диктат, кемпинг, робот, радар, эскалация, акваланг* и т.п.). Значительный пласт лексики современного русского языка составляют славянизмы: *время, вред, среда, брег, град* (ср. *берег, город*) и т. п.; при этом следует отметить, что в ряде случаев вытесненная старославянская форма остается основой для производных: *холод*, но *охлаждать, берег*, но *прибрежный, город*, но *градостроительство* и т. п.), в ряде случаев сохранившееся, наряду с исконными восточнославянскими вариантами, старославянские (исторически) формы получают особое значение (ср.: *исходить* и *выходить, глава* и *голова, прах* и *порох* и т. п.).

Лексика (от древнегреческого τὸ λέξιμός) – совокупность слов какого-либо языка или диалекта и словарный состав языка писателя (или художественного произведения) – словарный состав речи. Наука, изучающая словарный состав, называется лексикологией [Советский энциклопедический словарь, 1990].

Кроме того, термин «словарь» в узком смысле применения также означает отдельный словарный слой (книжный, эмоциональный, нейтральный) или словарную группу (повседневную, профессиональную, сельскохозяйственную, теологическую), личные произведения или словарный запас писателя.

Сравнение словарных систем двух или более языков показывает, что есть неравные слова. Неэквивалентные слова — лексические единицы, не имеющие точного семантического соответствия в других языках. Неэквивалентный словарь включает слово-реальность, слово-символ и собственное имя.

Лексика литературного языка (в разные эпохи — разной интенсивности) также включает региональную лексику, использование которой изначально ограничивалось отдельными региональными диалектами. Некоторые из этих слов все еще сохраняют свои диалектные отпечатки и называются диалектами.

Все слова языка составляют его словарный запас. Определенная часть языковой лексики также называется лексикой: абстрактная лексика, терминологическая лексика, повседневная лексика, эмоциональная лексика и т. д.

Слова в языке включаются в определенные системы и отношения. Диапазон и частота их использования различны. Слова тесно связаны с реальностью вне языка, и их семантические компоненты реагируют на изменения в ней, отражая обширный социальный и исторический опыт носителей языка.

Таким образом, словарная система является наиболее гибкой частью языка: в ней продолжают появляться новые слова, существующие слова получают новое значение, отдельные слова устаревают, редко используются или даже полностью забываются и существуют только в составе памятников письменности.

Когда мы говорим о том, что язык связывает прошлые поколения с современными людьми, сохраняет и передает прошлый опыт, мы в первую очередь имеем в виду слова и лексику в целом.

Богатый и развитый словарный запас обеспечивает все общество и каждого человека этим богатством с более тонким восприятием, более глубоким проникновением и более точным мышлением об окружающем мире.

С точки зрения объема использования обычно употребляемый, стилистически нейтральный словарь составляет основу словарного запаса, в отличие от словаря, использование которого ограничено определенными типами речи (специальный технический словарь, устная лексика, официальная деловая лексика и т. д.).

Некоторые слова (или значения слов) считаются устаревшими (архаизмы и историзмы), в то время как другие считаются новыми, еще не полностью «знакомыми» и не полностью укоренившимися в литературном языке. Стилистическое значение слов не останется прежним (устаревшие слова частично возвращаются в активный фонд словаря с новыми значениями; в некоторых случаях специальные термины меняют свое значение и становятся общеупотребительными).

По сравнению с другими аспектами языка основной особенностью словарного запаса является его прямая апелляция к реальности. Поэтому все изменения в социальной жизни отражаются в лексике – появление новых вещей, появление новых понятий неизбежно требуют создания новых имен или модификации семантики определенных слов.

Непосредственное влияние на словарный запас невербальной реальности определяет его текучесть — не только появление новых слов (и новых значений), замена устаревших имен, потерявших актуальность, но и стилистическое перераспределение различных фраз, словарного запаса слов и т. д.

Раздел языковой науки, изучающий лексику, называется лексикой, или лексикологией. Прежде всего, следует указать на различные задачи, стоящие

перед исторической лексикологией и лексикологией, изучающей современное состояние русской лексики.

Историческая лексика изучает историю слов, формирование и развитие определенных фраз, а также лексику всего языка. Словарь языка изменяется по разным причинам, некоторые из которых могут быть установлены и имеют достаточную надежность. При выяснении истории отдельных слов и словосочетаний раскрываются как языковые, так и экстралингвистические факторы.

Каждый человек на протяжении своей жизни живет в культурной среде, которая формировалась тысячелетиями. Окружение человека определяет его поступки, мышление, формирует мировоззрение. Окружающая человека среда представляет собой сложную систему, состоящую из множества аспектов: социальных, политических, экономических, культурных.

В течение своего развития каждая цивилизация фиксирует свою историю. Как известно, одно из основных средств фиксации разных явлений и событий – это язык. Являясь важнейшим средством общения, язык объединяет людей, регулирует их межличностное и социальное взаимодействие, координирует их практическую деятельность, участвует в формировании мировоззренческих систем и национальных образов мира, обеспечивает накопление и хранение информации, в том числе касающейся истории и исторического опыта народа и личного опыта индивида, расчленяющего, классифицирующего и закрепляющего понятия, формирующего сознание и самосознание человека, служит материалом и формой художественного творчества [Бойко, 2015: 45]. Язык имеет коммуникативную функцию (средство общения между людьми), мыслеформирующую (средство мышления в форме слов) и когнитивную (средство познания мира, передачи знаний другим людям и следующим поколениям в виде устных преданий, письменных источников, аудио и видеозаписей и др.).

В связи с современным прогрессом науки и техники и сопутствующими ему социальными изменениями, вызывающими радикальную перестройку

понятийного аппарата многих научных дисциплин и возникновение новых областей знания, возникают новые понятия, что резко увеличивает потребность в номинации. Все это приводит к так называемому «терминологическому взрыву» — значительному росту числа новых терминов, а также возникновению новых терминологий, сопровождающих появление новых областей знания [Вороной, 2017: 178]. Задача лингвистов состоит в том, чтобы превратить «терминологический взрыв», носящий во многом стихийный характер, в управляемый процесс.

Следует отметить, что изучение терминов в современную эпоху не может ограничиться обнаружением их собственных признаков — термины должны быть, с одной стороны, сопоставлены с единицами неспециальной лексики, а с другой стороны, противопоставлены им. Поскольку термины через общие понятия связаны со специальными сферами знаний и деятельности, они являются объектом, которым неизбежно занимаются все науки, изучающие эти сферы.

Среди этих наук следует назвать прежде всего естественные, технические и общественные науки. Все эти науки оперируют конкретно-научными и общенаучными понятиями и категориями, которые, в свою очередь, также обозначаются терминами — специальными или общенаучными. Из этого следует, что термины выступают в качестве объекта в широком диапазоне областей теоретической и прикладной деятельности, каждая из которых выделяет в термине нужные ей аспекты.

Изучение специальной лексики важно для взаимопонимания специалистов, что становится все более трудным в связи со специализацией наук. Особое значение составление специальной лексики приобретает в современных условиях компьютеризации исследований, производства и управления. Следует учитывать, что удачные термины могут способствовать развитию науки, а неудачные — тормозить развитие научных знаний.

Прямая связь между лексикой и гиперлингвальной реальностью определяет появление новых объектов, появление новых понятий приводит к

добавлению новых имен для этих объектов и понятий в словарь, образованных чаще всего с помощью аффиксов из существующего слова в языке.

Создание новых слов, создание составных имен, заимствование иностранных слов во многом зависят от словарных ресурсов данного языка и словарно-семантических отношений, которые существуют в языке определенной эпохи.

В задачу исторической лексики входит также установление методов изменения значения слов.

Так, например, для современного русского языка связь между такими словами, как *спасение* и *опасность* нарушена. Однако исторически они связаны с глаголом *пасти* 'беречь', причем развитие значений ряда *опасный*, как показывают данные памятников древнерусской письменности, а также диалектов, прошло через значения "осмотрительный", "осторожный"; сочетание *опасная грамота* имело значение "охранная грамота" — реальная необходимость в такой грамоте в условиях средневековой действительности также, по-видимому, наложила свой отпечаток на семантику слова.

В задачи современной русской лексикологии входит изучение стилистических различий слов, отдельных тематических и семантических группировок слов, взаимосвязи между ними и отношений между единицами внутри этих групп. Кроме того, лексикология включает в себя множество семантических проблем, то есть проблем, связанных со значением слов и их способностью определять явления вне языка.

Язык — это сложное явление, которое можно наблюдать под разными углами, и разные языковые единицы можно изучать с разных точек зрения. Звуковые и семантические аспекты языка, сочетания слов и морфем, слова и предложения выступают как разнородные элементы общей языковой системы.

I.2. Тематическая классификация лексики

I.2.1. Тематическая группа слов

Тематической группой называют объединение слов одной части речи на основании экстралингвистических параметров — отношения к общей теме. Как отмечает И. В. Кременецкая, «тематическая группа слов является одной из парадигматических группировок языка. Тематическая группа — это объединение лексических единиц, используемых при общении на определенную тему без учета особенностей и условий акта общения. Основой интеграции тематической группы служат связи предметов реального мира, являющиеся денотатами словесных знаков, составляющих тематическую группу» [Кременецкая, 2009: 94].

О.Л. Рублева определяет разницу между семантическим полем и тематической группой. По сравнению с лексико-семантическим полем «более широкие объединения слов — тематические группы (ТГ): это группы слов разных частей речи, объединенных общностью темы (отсюда и название). В ней наблюдаются различные виды связи: как парадигматические, так и синтагматические» [Рублева, 2004: 77].

Военная тематика, как показало наше исследование, чрезвычайно популярна среди современных авторов литературно-художественных произведений как отражение окружающей действительности.

Изучением лексем, относящихся к военной тематике, занимались многие ученые-лингвисты. Однако современные экспликации военной тематики, с учетом разных уровней (от микро- до макровкраплений), до сих пор недостаточно исследованы в научной литературе.

В целом лингвисты сосредотачиваются на изучении семантической (З.Н. Вердиева 1986; В.Б. Гольдберг 1988; Ю.А. Карпенко 2006; М.П. Кочерган 2004; С.А. Кузнецов 1998; Л.А. Лисиченко 1997; Ж.П. Соколовская 1957; Г.С. Щур 1974), тематической (Н.Ф. Алефиренко 2005; В.В. Банкевич 1985; С.Г. Бережан 1973; Л.М. Васильев 1971; В.В. Левицкий 1988; А.Н. Приходько 2008) и ассоциативной (Ш. Балли 1961; Н.П. Бутенко 1979; Дж. Лайонз 2003; В.В. Левицкий 2006; Ж.В. Марфина 2004, Т.Е. Недашковская 2010) специфики развития значения лексических структур.

Тема войны присутствует в современных произведениях на разных уровнях. Любые важные события, происходящие в обществе, неизменно оставляют отражение в сознании человека, и, следовательно, имеют свое отражение и в языке и языковых явлениях, потому что возбуждают интерес к проблеме, обуславливают ее обсуждение.

Военная лексика — это совокупность моноотраслевых и полиотраслевых специальных наименований, отвечающих понятиям и реалиям военной сферы и образующих соответствующую профессиональную подсистему (Бойко, 2016: 96). Эта группа слов является одним из древнейших пластов в лексической структуре русского языка, и его состав носит бинарный характер: с одной стороны, это устойчивая, всем понятная лексика, активно используемая в исторических произведениях, а с другой — архаизированные временем слова, или, наоборот, новые наслоения сленгизмов, военного жаргона и т.д. Военная лексика начала изучаться давно, но и по сей день остается актуальной темой для исследований лингвистов.

В современных произведениях о зоне операции объединённых сил динамические процессы в лексической системе языка выходят во главу угла: возникают новые слова как общеупотребительной, так и специальной лексики, вызванные прогрессом в научно-технической сфере, появлением новых образцов оружия, военной техники и новых методов ведения войны; происходит изменение значений лексем, что способствует пониманию и интерпретации тех событий, где изображены важные моменты жизни русского общества.

Художественный текст выступает своеобразным речевым и словесным актом между автором и читателем, осуществляемым с помощью слова, которое, в свою очередь, употребляется с определенной коннотативной нагрузкой. Сюжет художественного произведения и его коннотативное ядро всегда содержит как со стороны семантики, так и со стороны лексики стержневую структуру, которую представляют определенные тематические группы, образуя лексико-семантические поля. В их номинациях находятся

базовые элементы, совокупность которых определяет жанровую, идейную или тематическую принадлежность конкретного произведения.

I.2.2. Лексико-семантическая группа

Лексика — это не механическое накопление слов, а система. Факты, указывающие на системность словаря:

1) вывод некоторых единиц из других единиц того же языка, то есть возможность интерпретации слова языка иными словами того же языка: *лингвистика — языкознание, посуда — утварь*;

2) способность описывать семантику слов с ограниченным количеством элементов — семантически важнейших слов, так называемые элементарные слова (компонентный анализ):

– *бокал* – стеклянный или хрустальный сосуд для вина, похожий на рюмку, но больший;

– *кубок* – предназначен для питья вина, но сделан из другого материала, может быть из золота, серебра или бронзы;

3) систематизированный и упорядоченный объективный мир отображается в словарном запасе.

Немецкие лингвисты Г. Ипсен, К. Мейер, Г. Остгоф, В. Порциг, Й. Трир и Г. Шпербер изучали систематику лексики. Г. Остгоф говорил о существовании системы значений в языке. К. Мейер, анализируя прусскую военную терминологию, пришел к выводу, что каждый термин получает свое значение из собственного места в общей номенклатуре. Г. Спербер выступил с идеей существования полей стоимости. Й. Трир выдвинул концепцию понятийных полей, Г. Ипсен — лексико-грамматических полей (этимологически разные слова, входя в одну семантическую систему, приобретают общие грамматические признаки), а В.Портиг описал лексические и синтаксические поля. Недостатком в работах Й. Трира, по мнению Г.С. Щура, является тот факт, что И. Трир рассматривает только

именные образования, не учитывая полисемию языка. Однако то обстоятельство, что у Трира было много последователей, «по-видимому, свидетельствует о том, что в самом методе и подходе И. Трира было нечто, что отвечало духу времени и практическим задачам и что не могло быть отброшено, несмотря на так называемые недостатки его концепции. “Так называемые” потому, что они могли объясняться не тем, что И. Трир чего-то не учел, а тем, что с точки зрения задач, которые он перед собой ставил, не нужно было или можно было не учитывать ряд аспектов» [Беликов, 2001: 317].

Е. Оксар и О. Дугачек вводят понятия лексико-семантического поля, В. Виноградов лексико-семантической системы [Виноградов, 1960], А. Смирницкий — лексико-семантического варианта. Весомый вклад в развитие лексико-семантической теории внесли украинские языковеды В. Русановский, А. Тараненко и другие [Желтухина, Магомадова 2012: 43].

Как и любая система, лексико-семантическая система базируется на отношениях, важнейшими из которых являются парадигматические, синтагматические и эпидигматические.

Р.Т. Сафаров в диссертации о военной лексике татарского языка под лексико-семантической группой (далее ЛСГ), опираясь на статью А. Рудякова «Системное описание лексико-семантической группы», предлагает понимать совокупность слов, относящихся к одной части языка, связанных межъязыковыми связями на основе взаимосвязанных элементов значения [Сафаров, 2015: 196].

Члены ЛСГ связаны определенными семантическими и парадигматическими отношениями (синонимы, антонимы, разного рода включения, объяснения, разграничения, обобщения близких или родственных значений).

Независимо от их стилистических функций синонимы и антонимы являются мощным средством организации лексической структуры языка. Всегда действуя в одной и той же лексико-семантической группе, синонимы и антонимы способствуют ее объединению и более четкому определению.

Изучение лексической системы языка состоит в последовательном выделении и изучении отдельных элементов, а также соответствующих отношений между ними.

Одним из аспектов исследования является выбор лексического группирования. В рамках лексического группирования рассматриваются оппозиции компонентов и строится иерархическая модель группы на основе интегральных и дифференциальных сем, встречающихся в семемах, включенных в поле лексемы.

Другой аспект состоит в том, что анализ семантической структуры отдельных лексем определяет количество единиц в словаре, некую неоднозначность. Выясняются взаимосвязи между семемами, определяется принадлежность слова в разных его значениях к разным лексико-семантическим группам, раскрывается направление семантических процессов в этой группе.

Третий аспект — это исследование семантической структуры отдельных единиц, определение состава сем в семемах и их иерархии. В конечном счете, это позволяет с высокой точностью идентифицировать синонимические, антонимические и иерархические отношения слов в данной группе, а также определять тенденции и потенциал ее развития.

Остановимся на методах выделения лексико-семантической группы. Идеографическая классификация лексики базируется на логической и концептуальной основе, исследователь логически анализирует действительность, классифицируя лексические единицы по сферам действительности.

Удобство идеографической классификации лексики состоит в ее универсальности независимо от языка. Лексико-семантическую группу можно избрать с достаточной точностью на основе метода определения словаря.

В настоящее время в качестве близких термину «лексико-семантическое поле» употребляют термины «лексико-семантическая парадигма», «понятийное поле», «ассоциативное поле», «лексико-семантическая группа»,

«тематическая группа», «лексико-семантический ряд» и т.д.. В нашем исследовании мы употребляем термин «лексико-семантическая группа».

«Таким образом, слова любого языка не являются носителями особого лексического значения, но каждое из них обладает значением постольку, поскольку им обладают и другие слова данной семантической структуры. В этой трактовке слова теряют реальность своего бытия и растворяют свою семантическую самобытность во всей системе языка. Каждое слово, включаясь мельчайшей деталью в целое языка, существует и “означает” постольку, поскольку существуют и что-то означают другие слова» [Амири, 2011: 51].

«Факторами развития языка являются не факты развития общества, которое пользуется языком как средством общения, не объективная действительность, не познание явлений, отношений и закономерностей, которые человеческое мышление закрепляет в структуре языка. Все построено в обратном направлении. Язык рассматривается как орудие, которое формирует для человеческого мышления реальную действительность» [Амири, 2011: 52].

Как пишет В.А. Звегинцев, «чем развитее язык, тем более дифференцированными и разветвленными лексико-семантическими группами он обладает. В них закрепляется все богатство наблюдений над многообразием явлений действительности и связей между ними — результаты творческой познавательной и классифицирующей работы человеческого мышления. В процессе познания действительности подмечаются все новые и новые детали предметов, особенности явлений, оттенки понятий и соответственно создаются новые системы.

Слова, организованные в лексико-семантическую систему на общей смысловой основе, развитием своих индивидуальных значений обуславливают вместе с тем и развитие смысловой основы всей системы в определенную сторону <...>, таким образом, происходит согласование смысловой основы лексико-семантической системы и представленных в ней

смысловых рядов с индивидуальными значениями слов, входящих в эту систему» [Амири, 2011: 48].

В разных ЛСГ можно выявить некоторые общие направления распределения лексических рядов. «Выключение отдельных слов из системы может происходить как по лексико-семантическим, так и по грамматическим причинам. Так, в результате резкого или частного изменения значения (например, возникновение нового лексико-семантического варианта и отмирание старого) слово может совершенно уклониться от того значения, которым оно было связано с системой.

В результате оно выбрасывается из системы и оказывается вне влияния инерции смыслового развития системы» [Амири, 2011: 50]. Так, представляет интерес употребление слова *экипаж* — ‘первичное (низшее) подразделение в военной службе, непосредственно обслуживающее *самолёт, танк, БМП* и др. *самодвижущуюся технику*’.

I.2.3. Понятие семантического поля

Лексико-семантическое поле (далее ЛСП) — совокупность парадигматически связанных лексических единиц, объединенных общностью содержания (иногда и общностью формальных показателей) и отражающих понятие, предметное и функциональное сходство обозначаемых явлений (Бойко, 2016: 90).

В структуру семантического поля входят:

- 1) ядро поля, представленное родовой семой — компонентом, вокруг которого разворачивается поле;
- 2) центр поля, состоящий из единиц, имеющих интегральное, совместное с ядром и между собой значение;
- 3) периферия поля, содержащая единицы, самые отдаленные по своему значению от ядра [Бабенко, 2008: 126].

Также ЛСП делятся на семантические подсистемы, покрывающие меньший по сравнению с семантическим полем участок внеязыковой действительности, а именно: лексико-семантические, лексико-тематические, функционально-семантические, лексико-грамматические группы. Лексико-семантическая группа — это «объединение значений слов, содержащих конкретные понятия, отличающиеся степенью выявления качества, признака, действия и свойствами признака, действия, предмета, явления» [Бекетова, 2014: 136].

Приведенные определения могут быть применены и к ЛСП «война». Война как общественно-политический феномен присутствует в любой национально-языковой и индивидуально-языковой картинах мира, как правило, отождествлена со следующими понятиями: страх, одиночество, отчаяние, беда, смерть, неугомонность, горе, безысходность и тому подобное.

В основе ЛСП «война» находится базовая лексема, например, 1. Организованная вооруженная борьба между государствами, общественными классами и т.п.

2. перен. Состояние розни между кем-нибудь; *спор, ссора с кем-то; борьба*. Наиболее употребительной в тексте является эта лексема с первоначальным семантическим значением, то есть как процесс борьбы между противником.

В ЛСП «военные/военные понятия» входит, к примеру, место дислокации военных объектов, объединяющее лексем, указывающие на место нахождения участников боевых действий: позиции, база, штаб. Входит также пункт, предназначенный для контроля за проходом (посещением) и пропуском на территорию любых объектов.

Языковед А. Потебня призвал ученых изучать семантические взаимосвязи между словами, законы и правила внутренних изменений в группах семантически родственных слов [Желтухина, Магомадова, 2012: 41].

М.Р. Желтухина и Т.Д. Магомадова в статье, посвященной лексико-фразеологической специфике военной метафоры в современной прессе,

отмечают также значительный вклад, который внес в теорию лексической системы русский лингвист М. Покровский. По его мнению, слова в своем семантическом развитии сосредотачиваются на своих системно родственных партнерах (синонимах, антонимах и т.п.) [Желтухина, Магомадова, 2012: 42].

Таким образом, семантические изменения отдельных лексических групп не происходят по каким-либо моделям, и далеко не всегда в этих изменениях присутствует зависимость от внеязыковых явлений. Хотя, бесспорно, на процесс изменения влияют общественные события, происходящие в конкретной стране, тем не менее он совершается по своим специфическим законам.

I.3. Определение понятий «военная терминология» и «военная лексика»

В лингвистике существует несколько точек зрения по определению понятия «военная лексика» и ее составляющих. Традиционно выделяют военную терминологию — специальную военную лексику (слова или словосочетания, соответствующие понятиям военного дела) и военно-бытовую лексику (эмоционально-окрашенную военную лексику (сленг)), представленную словами и сочетаниями, часто употребляемыми в основном в устном разговорном языке военнослужащих, которые являются фактически стилистическими синонимами соответствующих военных терминов [Багрянцева, 2009: 85]. Н.В. Нетяго и М.В. Дюзенли также указывают, что возможность перехода слов из терминологии в специальную общеупотребительную лексику «зависит от активности их использования в различных стилях речи» [Нетяго, Дюзенли, 2016: 70].

Ф.П. Филин отмечает: «В нашей оригинальной письменности имеются сотни военных терминов и специальных выражений, которые в целом представляли развитый профессиональный язык военных в Киевской Руси. Однако этот профессиональный язык корнями своими был теснейшим

образом связан с общеразговорной и литературной речью, составлял часть ее» [Филин, 1949: 166].

«К военной лексике относят все слова и сочетания, которые обозначают военные понятия. То есть это слова, которые имеют связь с вооруженными силами, военным делом, оружием, войной и подобным. Сюда относят научно-технические термины, употребление которых связано с военными понятиями» [Моисеев, 1970: 138].

Г.А. Судзиловский [Военный юмор, 1967: 37] пишет о том, что в военную лексику включены слова и сочетания, не обозначающие собственно понятия, но использующиеся только в военной среде и практически неизвестные в общем употреблении. Исследователь считает, что к военной лексике относятся и некоторые иноязычные слова, и жаргонизмы.

Когда дело доходит до характеристики военной лексики, два вопроса остаются спорными и до сих пор нерешенными: следует ли рассматривать военную лексику как специальную терминологию или классифицировать ее как обычно используемую; и по каким признакам классифицировать военную лексику.

Мы считаем, что в художественных текстах для создания образов используется уже «усвоенная» лексика, поэтому они не относятся к терминологической системе, а входят в определенные предметные группы.

Функциональные характеристики современной военной лексики и терминологии отражены в работах А. Бельчкова, Е.В. Брысина, Н.В. Егоршина, Т.Н. Зайцева и др. Б.Л. Бойко, изучая военную лексику в романе Э.М. Ремарка «Возвращение», приходит к выводу, что специальные слова играют важную роль в военной сфере общественной жизни и предлагает такое определение: военная лексика — это «система лексических средств, отражающих различные военные концепции и используемых в публичном и специальном общении» [Бойко, 2015: 46].

Следует отметить, что в понятие «военная лексика» нередко включают «военные термины» и «военную терминологию». В.Н. Шевчук считает, что

военные термины отражают понятийный аппарат военной науки и, шире, военного дела, поэтому включают в свой состав наименования форм и способов ведения войны, использования вооруженных сил с их организацией, вооружением и техникой [Шевчук, 1983].

Военная энциклопедия дает следующие объяснения рассматриваемых концепций: «Военные термины — это установленные формальные системы военных терминов (слов, словосочетаний и т. д.). Каждый термин имеет строго определенное значение и четко определенное применение» [Военная энциклопедия. 2004: 579 с.].

Что касается понятия «военная терминология», существуют определенные трудности в его интерпретации, в основном из-за определения самого понятия «терминология» (или «терминологическая система») [Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов 2010: 171с.]

Следует отметить, что еще в 1980-х годах последовательность и структура терминологии неоднократно становились предметами интенсивных дебатов и дискуссий, но до сих пор окончательного решения этой проблемы не было найдено. Однако под термином «система» обычно понимают «упорядоченное состояние терминов».

Следовательно, согласованность можно рассматривать как одно из важнейших условий существования терминологии. Терминология является лишь компонентом терминологической системы, а терминологическая система должна представлять собой группу организованных терминов, которые полностью выражают концептуальную систему. С.И. Богданова и А.В. Могилина при описании использования военной лексики в гражданской сфере называют, вслед за Д.С. Лотте (D.S. Lotte), условия, обеспечивающие единообразие терминологии:

- Система терминологии должна основываться на классификации понятий;
- Условные обозначения и понятия термина следует рассматривать в соответствии с системой классификации;

– Лексическая единица должна отражать общность рассматриваемого понятия и других терминов, а также его особенности [Богданова, Могилина, 2013: 67].

Ученые понимают терминологическую систему как языковую модель, то есть набор понятий, как логическую модель предметной области. В.И. Беликов и Л.П. Крысин опираются на четыре условия формирования терминологических систем, которые определил В.М. Лейчик:

- Четкая сфера деятельности;
- Система понятий, относящаяся к предметной области;
- Существует теория для описания области, содержащей концептуальную систему;
- Существуют устоявшиеся языки специального назначения, названия которых могут выражать концепцию данной области и системы [Беликов, Крысин, 2001: 317].

Система терминологии направлена на обеспечение существования терминов и систематичность их функций, а также взаимозависимость некоторых терминов и других терминов. В терминологической системе каждый термин имеет свое положение и свое значение, которое отличается от значений других элементов в этой системе. По мнению В.П. Коровушкина, система военных терминов включает полный их набор, представленный в лексической системе национального языка [Коровушкин, 1989].

В силу того, что сфера военной деятельности очень обширная и подразделяется на различные самостоятельные области знания, существует множество терминов тактических, организационных, военно-технических, терминов, относящихся к различным родам войск и видам вооруженных сил, и т.п.

Понятия «военная терминология», «военная терминологическая система» и «военная терминология» в целом относятся к единству организации, классификации и систематизации определенным образом, чтобы

использовать терминологические единицы наиболее правильно и избежать путаницы между понятиями.

Понятие «военный термин» мы понимаем, как слово или словосочетание, которое используется для обозначения специального понятия, относящегося к определенному разделу военной науки или к военной технике [Шевчук, 1983].

Понятие «военная субстандартная лексика» объединяет различные социально-функциональные классы слов, которые используются в речи военных в неофициальном общении, а именно жаргонизмы, сленгизмы, сленговая фразеология.

Наиболее характерной чертой военных документов являются разные сокращения, носящие характер условного кода. Обычные слова получают особенное письменное обозначение в стиле военных документов [Амири, 2011: 47].

Военные документы изобилуют специальной терминологией, относящейся как непосредственно к военному делу, так и к разным областям техники, используемой в армии. Никакие нормы живого разговорного языка и, в частности, профессионализмы, часто выступающие под термином «военный сленг» и очень широко используемые в живом общении солдат между собой, не употребляются в официальных документах.

Анализируя приведенные выше определения, мы можем сделать вывод, что военные термины, реализуемые путем обозначения словарных единиц понятий и явлений в военной области, представляют собой динамично развивающуюся логическую, структурированную систему.

На наш взгляд, «военная лексика» – это лексико-семантическая группа, охватывающая военную лексику, вошедшую в общий речевой оборот, лексические единицы разговорной речи. Военная лексика функционирует в основном в текстах военной тематики.

Военные термины являются элементами более широкого понятия «военная лексика», потому что слова, относящиеся к военной области, не всегда могут соответствовать определению «терминов» [Д.Э. Розенталь, М.А.

Теленкова 1976], например, оценочные, составные, отмеченный стилем, и т.д., но они относятся к военной лексике. Тем не менее, основой военной лексики остается точная терминологическая единица.

I.4. История изучения военной лексики в российской лингвистической науке

Русские лингвисты рассматривали военную лексику с различных точек зрения, начиная с военной лексики древнерусского языка. Ф.П. Сороколетов приложил большие усилия в изучении военной лексики XI–XVII веков и написал монографию «История военной лексики в русском языке (XI–XVII вв.)» (Сороколетов, 2009).

Ф.П. Сороколетов обобщил развитие системы военной лексики XI–XIV вв. и XV–XVII вв. и изучил семантическое формирование и изменение военного языка в диахроническом аспекте, выявил место военной лексики в лексической системе древнерусского языка, исследовал термины, отражающие организацию вооруженных сил в русском языке XI–XIV вв., состояние военной лексики русского языка XV–XVII вв., наименования лиц начальствующего состава в русском языке XI–XVII вв., иноязычные заимствования в русской военной лексике XV–XVII вв., системные отношения в истории военной лексики XI–XVII вв. и глаголы и отглагольные имена в системе военной терминологии.

Лексемы проанализированы в основном с точки зрения семантики, иногда с помощью этимологического анализа, либо с точки зрения употребления, редко с точки зрения словообразования. В этой книге не дано конкретное определение термина «военная лексика». Без сомнения, военная лексика сыграла важную роль в формировании словарной системы русского языка, поэтому исследование военной лексики имеет важное значение.

Лингвисты проводят комплексное исследование военной лексики в диахроническом и синхроническом аспектах. Исследуются происхождение и

развитие военной лексики в определенной области или в определенный период с точки зрения исторической лингвистики, рассматривается процесс формирования системы военной лексики.

Существуют такие труды, в которых выделяются и исследуются отдельные составные части военной лексики, например, военно-морская лексика изучена в диссертации Л.В. Горбань «Военно-морская лексика русского языка в синхронии и диахронии» [Горбань, 2008].

Исторические семантические изменения военных слов XVII–XVIII веков исследованы в статье А.В. Уланова «Семантические сдвиги в военной лексике XVII–XVIII веков (на материале источников деловой письменности)» [Уланов, 2008]; в его диссертации «Формирование и функционирование военной лексики в русском языке XVII–XVIII веков (на материале столичной и региональной деловой письменности)» исследование проведено главным образом в историческом и этимологическом аспекте. В этой работе проводятся исследования, анализирующие военный лексикон в хронологическом аспекте, т.е. касающиеся какого-либо периода его истории, либо отражающие процесс эволюции военной терминосистемы, а также исследования, затрагивающие этимологический аспект: иноязычное влияние в сфере военной лексики, соотношение исконного и заимствованного в военном лексиконе. Проведен также частичный морфологический анализа военной лексики указанного периода.

На материале столичной и региональной деловой письменности А.В. Уланов исследовал формирование и развитие системы военной терминологии в течение XVII–XVIII веков, а также проникновение и влияние иноязычных лексем на военные слова русского языка.

Эволюция речи военнослужащих представлена в диссертации Т.А. Степиной «Эволюция стереотипов русского воинского общения» [Степина, 2005].

Специальные работы посвящены также происхождению военной лексики русского языка, например, статья В.В. Вороного и С.С. Загайнова

«История заимствований военной лексики в русском языке» [Вороной, Загайнов, 2017].

Кроме того, ведутся исследования лексических особенностей военной лексики, которая используется в армии в определенном регионе: «Лексические особенности русского военного дискурса XIX века (региональный аспект)» на базе сведений о дальневосточных подразделениях казачьих войск Российской империи в Уссурийском и Амурском казачьих войсках [Уланов, 2013], и в других языках; «Военная лексика татарского языка» [Сафаров, 2015]

Имеются лингвистические работы, в которых военные лексемы исследованы в синхронии, например, в аспекте словообразования.

В статье «К вопросу о структуре военных жаргонизмов в современных английском и русском языках» Л.А. Кокова представила понятие «военные жаргонизмы» и описала их лексические особенности, а также проанализировала словообразовательные особенности английских и русских жаргонизмов в аспекте сопоставительной лингвистики [Кокова, 2008].

Лексико-семантические группы военной лексики с точки зрения семантики исследуются в статье Т.В. Демидович «К вопросу о лексико-семантических группах военной лексики» [Демидович, 2013].

Уделено внимание отдельным тематическим группам в составе военной лексики. В статье Е.А. Яковлевой и Э.Н. Ирнарарова «Наименования стрелкового оружия в русском языке: специфика терминологии» рассматривается аббревиация военных терминов в русском языке, называющих стрелковое оружие. Исследованы особенности функционирования военной лексики в разных функциональных стилях русского литературного языка. [Яковлева Е.А., Ирнараров Э.Н., 2016]

В статье Н.Г. Ковпак «О специфике производного номинативного значения (на материале военной лексики в периодической печати)» дан анализ особенностей переноса значения военной номинации.

В статье В.Н. Серкиной «Лексика Великой Отечественной войны: семантический и словообразовательный аспекты» рассмотрена лексика Великой Отечественной войны на материале Астраханского медийного дискурса и описан феномен возрождения традиционной военной лексики в публицистике.

С точки зрения этимологии материал анализируется в статье Н.Г. Никитиной, В.В. Романовой и Д.А. Тацкого «Военная лексика и фразеология русского языка», где указываются военные термины и иноязычные слова во фразеологии русского языка.

Кроме того, некоторые лингвисты анализируют военные лексемы в статьях и монографиях с точки зрения семантики, употребления и стилистики на материале художественных текстов, например, в статьях О.Н. Грачевой «Элементы военной лексики в сказке Е. Шварца “Голый король”», А.А. Исаковой «Военная заимствованная лексика в рассказах Якуба Занкиева» Г.И. Багрянцевой «Военная лексика в “Записках” Г.Р. Державина» (Багрянцева, 2009), Н. В. Черниковой «Военная лексика в повести А.С. Пушкина “Капитанская дочка”», С.А. Давыдовой и А.В. Давыдова «Военная лексика в произведениях русских писателей», А.Ю. Астафьева «Военная лексика фронтовых очерков А.П. Гайдара» [Амири, 2011: 50], З. А. Сиразитдинова «О военной лексике романа “Кан” Даута Юлтыя (на основе анализа частотного словаря)» и др.

Некоторые лингвисты занимаются исследованием военного перевода и с точностью переводят военные лексемы (в том числе военные жаргонизмы и термины), в основном с английского языка на русский язык или с русского на английский язык, например, в статье Т.П. Швеца «Военная лексика в разных стилевых регистрах аудиовизуального перевода», в статье Б.Л. Бойко «Военная лексика в оригинале и переводе (на материале романа Э.М. Ремарка “Возвращение”)» [Бойко, 2016].

В последние годы в лингвистических исследованиях военной лексики отмечается ее тенденция к употреблению и использованию в разных сферах,

иначе говоря, к ее детерминологизации [Реформатский, 1996]. Л.Н. Третьякова в своей кандидатской диссертации «Лингвострановедческий подход к русской военной лексике и его учебная реализация» подробно описала эту тенденцию, дала определение словосочетания «общевоеенная русская лексика» и выдвинула концепцию термина «общевоеенная русская лексика с национально-культурным компонентом в семантике» [Третьякова, 1995]. Л.В. Мосиенко и Д.В. Миначева посвятили исследование тому, как военная лексика функционирует в газетно-публицистических статьях [Мосиенко, Миначева, 2017], также Э.С. Денисова уделила внимание языку современных СМИ, описав активные словообразовательные процессы [Денисова, 2010].

Всплеск употребления военной лексики в общенациональном языке приходится на период Великой Отечественной войны. «С ее началом меняются социальные условия существования русского литературного языка в связи с возникновением нового фактора, ставшего главным в жизни советского общества тех лет: все стороны жизни, определяются тем, что идет война, поэтому функционально-стилистическая роль военной лексики становится весьма разнообразной.

Прежде всего, все слова этой группы выполняют основную номинативную функцию, поскольку они связаны с определенным понятием. Они пополняют терминологические системы, используются как жаргонизмы, выполняют эмоционально-экспрессивную функцию» [Дурду, Агеева, 2019: 36].

I.5. Фантастика как литературный жанр

Фантастика (греч. *phantastike* – искусство представлять) – это 1) разновидность художественной литературы; 2) способ художественного творения, в основе которого лежит нереальное, воображаемое, волшебное.

Толковый словарь русского языка С.Н. Ожегова и Н.Ю. Шведова определяет фантастику следующим образом: «То, что основано на творческом воображении, на фантазии, художественной выдумке». Второе определение этого понятия согласно тому же источнику: «Литературные произведения, изображающие вымышленные, сверхъестественные события», [Ожегов, Шведова, 1992].

Энциклопедический словарь терминов определяет фантастику как «литературный жанр – тип художественных произведений, в конкретных образах, отражающих вероятность научного проникновения в непознанное, опережающее художественное предположение» [Современный толковый словарь русского языка, 2005].

Часто при употреблении термина «фантастика», подразумевается именно научная фантастика. Основателем научной фантастики считается французский писатель Жюль Верн.

В большинстве случаев главной фантастической составляющей произведения является фантастическая идея: изобретение (сверхсветовой двигатель, мыслящий робот, телепорт) или открытие (путешествия во времени, телепортация, новый источник энергии), вымышленное место действия (другая планета, параллельный мир), мнимая социально-политическая система (утопическая или антиутопическая), живое существо или вещество с необычными свойствами (инопланетяне, мутанты, антиматерия), необычная ситуация, связанная с наукой и техникой (паранормальные способности).

Фантастическая литература характеризуется внедрением элемента «чрезвычайного», она нарушает принципы действительности и условностей. Фантастика помогает человеку погрузиться в увлекательный мир неизвестного, погрузиться с головой в мир загадок и нереальности. Литературные приемы или построение сюжета у фантастических произведений не отличаются от реалистических.

I.5.1. Особенности научной фантастики

Научная фантастика (англ. сокращение sci-fi) (от греч. phantastikos — то, что касается воображения) — жанр и метод в художественном творчестве; фантастика, в основе которой лежит экстраполяция на темы науки и технологий [Балашова, 2003: 188].

Научная фантастика – форма фантастики, которая занимается главным образом влиянием фактической или воображаемой науки на общество или людей. Термин научная фантастика был популяризирован, если не изобретен, в 1920-х годах одним из главных поклонников жанра, американским издателем Гьюго Гернсбеком. Награды "Гьюго", ежегодно с 1953 года, вручаемые Всемирным обществом фантастики, названы его именами. Эти награды получают ведущие писатели, редакторы, иллюстраторы, фильмы [Белокурова, 2007: 320].

По определению Советского энциклопедического словаря научная фантастика – это вид фантастики, отрасль художественной литературы, а также кино, театра и живописи, посвященный главным образом прогнозированию будущего [Прохоров, 1989].

А вот что говорит о фантастике М. Горький:

Реальная жизнь немного отличается от хорошей фантастической сказки, если рассматривать ее изнутри, со стороны желаний и мотивов, которыми руководствуется человек в своей деятельности.

Научная фантастика — это не только космические звездолеты, бластеры и инопланетяне. Иногда перед нами открывается до сих пор неизведанный мир науки и невероятные возможности, чтобы раскрыть этот мир во всем его многообразии, сделать его правдоподобным или, наоборот, еще более невероятным, авторы научной фантастики прибегают к определенным приемам. Научная фантастика – это огромный пласт литературы, вобравшей в себя черты и идеи, присущие только ей [Виноградов, 2001: 224].

Братья Стругацкие дали достаточно широкое определение: фантастическое произведение – это любое художественное произведение, в котором введен элемент чудесного, невозможного или очень маловероятного. Объяснением этому служит краткая формула – чудо, тайна, достоверность.

Научная фантастика заняла достаточно прочные позиции в мировом литературном процессе. Однако наблюдалось несколько пренебрежительное отношение к этому жанру, во-первых, из-за подачи серьезных проблем в стиле увлекательных приключений; во-вторых, наука развивается все быстрее, поэтому научно-фантастические предсказания и открытия не успевают за фантастическими научными исследованиями.

Фантастическое произведение часто основывается на противопоставлении реального и вымышленного мира. Если речь идет о научной фантастике, то, как правило, этот вымышленный мир – это новое сообщество, существующее на другой планете. Хотя возможны и другие варианты, например, автор может создать свой альтернативный мир, а не противопоставлять реальный и ирреальный миры.

В научно-фантастических произведениях изображаются вещи принципиально возможные в рамках современной науки, основанные на теориях или предположениях. Важное значение имеет убедительное обоснование изображаемого. К примеру, многие произведения основаны на допущении сверхсветовых скоростей, что противоречит специальной теории относительности Эйнштейна, но все же может обосновываться наукой.

Наиболее заметными направлениями научной фантастики являются альтернативная фантастика, социальная фантастика, военная научная фантастика, апокалиптическая и постапокалиптическая фантастика, ксенофантастика, киберпанк, космическая опера, феминистская научная фантастика.

I.5.2. Особенности жанра Фэнтези

Фэнтези занимает заметное место в современной литературе. Большой популярностью пользуются произведения таких зарубежных авторов, как Дж.Р.Р. Толкиен, Урсула Ле Гуин, Клайв Льюис и многие другие. Особой популярностью этот жанр пользуется среди молодежи. Однако наравне с традиционным фэнтези существует также и детское фэнтези, и самым популярным является произведение Дж.К. Роулинг о юном волшебнике Гарри Поттере, издающееся рекордными тиражами.

История жанра фэнтези не насчитывает и двухсот лет.

В фантастической литературе аккумулируются как фантазия автора, так и фантазия читателя. В результате фантазирования, как автора, так и читателя, рождается нечто фантастическое. С другой стороны, Н.Корнуэлл отмечает и точку зрения на «фантазию» как универсальный элемент, присутствующий почти во всех видах литературы [Корнуэлл, 1988. С. 17-22; Мэчери, 1978. С. 61]. Эффект Фэнтези, по Тодорову, достигается в результате соблюдения трех условий жанра.

Во-первых, текст должен побуждать читателя воспринимать мир персонажей как мир реальных людей и испытывать некоторые колебания между естественным и сверхъестественным объяснением изображаемых событий.

Во-вторых, это колебание, или сомнение, может использоваться персонажем - на этом уровне оно становится одним из тематических аспектов произведения.

В-третьих, читатель может занять определенную позицию по отношению к тексту: он может отвергнуть как аллегорические, так и поэтические варианты толкования текста. Первое и третье условие активно формируют жанровую модель. Второго можно не придерживаться».

Что же касается определения жанра фэнтези, то этот жанр можно охарактеризовать как нечто, содержащее рудименты, не реалистичные, как, например, магические силы, говорящие животные и т.д. Фантазия нередко

характеризуется уходом от принятых норм, посредством которых отдельные лица воспринимают окружающий их мир.

Уход от этих норм воплощает в реальность то, что невозможно или неясно, то, что лежит за гранями известной реальности. Фэнтези можно представить, как литературную работу, в которой содержатся ирреальные компоненты, действие которой часто происходит в средневековье или тем или иным образом ассоциируется с рыцарской эпохой, включающей в себя сверхъестественные мифические существа. Магия всегда является неотъемлемой частью фэнтези и воплощается через героев романа.

Корни фэнтези уходят в легенды и мифы, фантазия является элементом многих других жанров.

Истории Одиссеи, Артурианы и т.д. влияли и в некоторой степени даже формировали культуру на протяжении веков. В фантазии читатель может попасть вовремя и место, где мир такой, каким он (читатель) хочет его видеть. Можно считать фэнтези жанром, который меньше всего ориентируется на возрастную категорию читателя.

Многие взрослые интересуются приключениями Хоббита или Гарри Поттера. Успех фильмов «Повелитель колец» и фильмов о Гарри Поттере наряду с фильмом, снятым по книге Клайва Льюиса «Лев, Колдунья и платяной шкаф» привлек внимание к жару фэнтези, и это внимание продолжает расти.

Мифы и легенды являлись важной частью культуры с самого начала. Литература начиналась с этими историями. Они объясняли мир, где жили люди, демонстрировали жизненные уроки, человеческое поведение, а также несли в себе развлекательную функцию. Фэнтези открывает дверь в мир магии, показывает, что он тоже вокруг нас.

Почти полное отсутствие анализа профессиональных критиков компенсируется большим количеством статей и комментариев от многочисленных поклонников жанра, в основном в электронных изданиях. Авторы Литературного энциклопедического словаря определили, что интересующий нас жанр как «разновидность художественной литературы, в

которой авторская выдумка от изображения удивительно-необычных, неправдоподобных явлений тянется к созданию особого – вымышленного, нереального, «чудесного мира» [Назин А.С., 2007].

Еще одно определение фэнтези дает писатель С. Логинов. «Фэнтези – часть фантастической литературы, занимающейся конструированием миров, построенных исходя из положений объективного идеализма» (учение об абсолютной идее Гегеля) [Логинов С. Русское фэнтези - новая золушка, 2005]. Таким образом, к этому направлению он относит: «Вечера на хуторе у Диканьки», «Мастер и Маргарита», «Обремененные злом».

Известный писатель С. Лукьяненко говорил о жанре, в котором пишет: «Каждый текст – это сотворение мира. Иногда – совсем нового» [Лукьяненко С. Проводник отсюда, 2006]. Фэнтези нашего времени рисует нереальные миры, однако, по словам Д.Ж.Р.Р. Толкиена, «легко придумать зеленое солнце, трудно придумать мир, где оно было бы естественным» [Назин А.С., 2007]. Однако, когда благодаря мастерству писателя такая реалистичность восприятия и правдоподобие такого мира достигнута, можно добавить и необычные, фантастические элементы.

Некоторые исследователи, указывают на то, что одним из свойств фэнтези является эскапизм, и, возможно, уставший от повседневной рутины, забот и тягот жизни, от перемен и волнений читатель берется именно за фэнтезийную книгу, чтобы проникнуть в нереальный, мир, так непохожий на настоящий мир за окном.

Он-лайн энциклопедия «Кругосвет» также определяет фэнтези как «средство увольнения, бегства из неблагоприятной реальности. Бегство (англ. *escape*) – важная тема и толкиеновского эссе, и многих работ как защитников, так и критиков фэнтези. Фэнтези, несомненно, есть эскапистская литература, бросающая вызов современному миру <...> И мир мифологический, “вторичный”, и погребенный прогрессом мир прошлого смогли стать неплохим укрытием от холодной рассудочности, цинизма, власти Машины и Политики» (Гончаров В., Мазова Н. Толпа у открытых ворот, 2002).

Подавляющее большинство исследователей сходятся во мнении, что источником многих произведений фэнтези является миф. В «исторической поэтике» А.Н. Веселовского выделяется 2 эры мифического творчества. Это языческие времена и средние века, время массового монотеизма. Некоторые исследователи считают, что на современный период приходится 3 период мифотворчества.

Мифы древней Греции, кельтов и скандинавов дали массу идей, развитых в знаменитых произведениях жанра фэнтези. Используя в основном староанглийские сказания и мифы, Дж.Р.Р. Толкиен написал вечную трилогию «Властелин колец». Многочисленные ученые, изучающие биографию Толкиена, отмечали его раздражение тем, что с течением времени в литературной сказке появились миниатюрные существа с крылышками бабочек вместо величественных и мудрых эльфов. Он сделал все, чтобы вернуть древним образам из кельтского фольклора и мифов былое величие, превращая свои книги в новую мифологию и гордость нации. Именно оптимистичный и «светлый» фольклор германских народов, а если точнее, англосаксонский, подверженный влиянию христианства, был так близок Толкиену.

До 1950 г. жанр фэнтези распространяется довольно быстро и набирает аудиторию. Это происходит благодаря произведению Ховарда Конан Варвар. Это произведение оказывает существенное влияние на формирование субжанра меча и колдовства, а затем в 1950-х мир увидела трилогия «Властелин Колец» Дж.Р.Р. Толкиена. Именно это произведение эпического фэнтези помогло жанру более или менее четко определиться. Но, несмотря на успех «Властелина Колец» в Великобритании, популярность в Соединенных Штатах он получил лишь в 1960-х годах XX века.

Невозможно переоценить влияние, которое оказала трилогия Толкиена на жар фэнтези и превращение литературы этого жанра в маркетинговую технологию. Он создал множество тем, которые позже использовались другими авторами в других произведениях.

Успех Толкиена заставил издателей искать новые серии, которые были бы столь же успешны с точки зрения массовой литературы и рынка. Впервые издатели стали смотреть на литературу фэнтези как на прибыльный бизнес. Именно в это время самым популярным жанром становится не научная фантастика, а фэнтези.

Космос уже не такой безграничный и таинственный – человек начинает искать неизвестное в фантазии, в параллельных, альтернативных, вторичных мирах. Влияние, которое получили «Властелин Колец», а также серии К. Льюиса «Хроники Нарнии» и Урсулы Ле Гуин «Средиземноморье», стало краеугольным камнем для будущей популярности литературы этого жанра.

Жанр фэнтези относится к массовой литературе, и поэтому можно говорить о том, что фэнтези является самым простым среди фантастических жанров, потому что добро в фэнтези – это добро, а зло есть зло. Читатель не может спутать положительных и отрицательных героев.

Все относительно просто, читатель должен стать на сторону главного героя, который, безусловно, прав и выступает на стороне добра, и осудить главного негодяя и его приспешников. В фэнтези читатель может возвратиться в более обычный полярный мир, мир, каким он его желает созидать.

Выводы по первой главе

Лексическая система является наиболее гибкой частью языка: в ней продолжают появляться новые слова, существующие слова получают новое значение, отдельные слова устаревают, редко используются или даже полностью забываются и существуют только в составе памятников письменности.

Когда говорят о том, что язык связывает прошлые поколения с современными, сохраняет и передает прошлый опыт, в первую очередь имеют в виду именно лексику. Эти выводы относятся и к такой важной части словаря, как военная лексика.

Военная лексика развивается на протяжении многих веков. Военные конфликты сопровождают исторический путь той или иной цивилизации, и русская не является здесь исключением. Местные локальные военные конфликты, войны между разными странами были и остаются источниками возникновения и обогащения системы военной лексики. Военная история России способствовала включению в состав военной лексики заимствованных слова, в первую очередь из тюркских, немецкого, французского и английского языков. В настоящее время, в связи с военными конфликтами на Ближнем Востоке, много заимствований приходит из арабского языка.

Военные лексемы преимущественно являются существительными, обычно это номинации вооружения и названия военнослужащих. Что касается глагольной лексики, то в прямом и метафорическом значении отмечаются слова таких тематических групп, как «военные и боевые действия, боевые методы и технологии, термины поддержки боевых действий и боевых действий» и «слова для поражения врага на поле боя», «враждебное поведение, его последствия и проявления». Количество слов, относящихся к военной науке и практике, постепенно увеличивается, в эту сферу входят термины, общеупотребительная военная лексика, жаргонизмы. Неудивительно, что этот пласт лексики привлекает внимание исследователей-лингвистов.

Военная лексика употребляется не только в сфере военного дела, но также широко используется за пределами этой сферы деятельности. Многие лексемы ограниченного употребления в системе военной лексики постепенно проникают в медийный дискурс, на страницы художественных произведений, становятся частью речевого обихода обычных людей, в основном, придавая речи экспрессивность. Детерминологизированная военная лексика хорошо знакома народу и широко распространена в бытовой жизни. Эти слова чаще встречаются в периодических изданиях, поэтому можно сказать, что основным источником образования общеупотребительных военных лексем являются СМИ. В результате продуктивных словообразовательных процессов оригинальные военные лексемы дополняются в массмедийных текстах общевоенными лексемами. Например, с помощью универбации, аббревиации или путём добавления таких продуктивных или непродуктивных аффиксов, как *анти-*, *-щина*, *-маниј(а)*, *-ник/-ик*, *-к(а)* и др., образуются слова, присущие газетно-публицистическому стилю или речевой коммуникации в повседневной жизни. Они также служат источником вдохновения для писателей, создающих художественные тексты, в первую очередь посвященные теме войны. Иногда слова возникают в рамках определённого контекста, а затем, с исчезновением этого контекста, также выходят из употребления; есть слова, которые не только сохраняются, но и переходят в другие сферы употребления. Общеупотребительные слова могут, в свою очередь, стать источником пополнения специальной лексики.

Таким образом, военную лексику можно найти не только в армейском дискурсе, но и в гражданском, экономическом, спортивном, культурном контекстах. Выход военных терминов за пределы узкоспециализированного обихода не случаен и объясняется не только лингвистическими, но и экстралингвистическими причинами. Очевидно, что те термины, которые употребляются только внутри узкого круга специалистов, не попадают в общелитературный язык, однако здесь есть несколько пограничных зон, в которых некоторые термины могут входить в общее употребление, другие

приобретают переносное значение, основанное на чувственном (визуальном, слуховом) взаимодействии человека (*солдата, офицера*) с реальностью окружающего боя. Вторая глава нашего исследования посвящена изучению военной лексики в одной из таких пограничных сфер – в современной фантастике, в которой военная лексика представлена широко и своеобразно.

Глава II. Место военной лексики в современной фантастике

II.1. Классификация военной лексики в русском языке

II.1.1. Военная лексика с точки зрения частей речи

Части речи – основные лексико-грамматические разряды, по которым распределяются слова языка на основании признаков: а) семантического (обобщенное значение предмета, действия или состояния, качества и т. д.), б) морфологического (морфологические категории слова) и в) синтаксического (синтаксические функции слова). В русском языке на основании морфологических признаков можно выделить следующие части речи: 1) имя существительное; 2) имя прилагательное; 3) имя числительное; 4) местоимение; 5) глагол; 6) наречие; 7) предлог; 8) союз; 9) частица; 10) междометие; 11) причастие; 12) деепричастие.

Собранные нами лексемы относятся к таким частям речи: 1) имя существительное; 2) имя прилагательное; 3) глагол. Среди них большую часть занимают существительные.

К военной лексике, употребляемой в русской фантастике, относятся:

имена существительные: *авиаракета, анти-СОИ, апачи, артустановка, артсистема, АСАТ, атомник, атомец, аэрофинишёр, БАРС, безоткатка, БМП, броня, БС, бункер, бэтээр, военнопromышленник, воин-афганец, ВПК, гражданка, ГУВБиФ, двухгодичник, допризывник, ильюшинец, истребитель-бомбардировщик* и т. д.

имена прилагательные: *антиракетный, антиядерный, афганский, стратегический, ядерно-космический, ядерный, ракетно-бомбовый, разведывательно-ударный, противокорабельный, противоракетный, противовоздушный, оперативно-тактический, невзорвавшийся* и т. д.

глаголы: *буреть, конверсировать, лупануть, отбиться, почифанить, развернуть, улететь, качать связь, бычковать, зачмарить* и т. д.

В данной работе в рамках частей речи мы классифицируем военную лексику по тематике и выделяем в ней 7 групп. Военная лексика, на наш взгляд,

состоит из 7 тематических групп (7 групп единиц): 1) наименования военнослужащих; 2) вооружение; 3) военное обмундирование; 4) военные действия и военные операции; 5) военные подразделения, рода войск; 6) военные организации (в том числе военно-учебные заведения); 7) названия войн или военных операций.

1) К группе «Военнослужащие» относятся такие слова: *солдат, рядовой, командир, генерал, полковник, подполковник, лейтенант, капитан, сержант, офицер, боец, стрелок, разведчик, дозорный, пулеметчик, патрульный, пограничник, летчик, десантник, танкист, гусар, рыцарь, казак* и т. д.

В указанной семантической группе слова подразделяются на следующие подгруппы: воинские звания (*солдат, рядовой, командир, генерал, (под)полковник, лейтенант, капитан, сержант, офицер*); по роду военной деятельности (*боец, стрелок, разведчик, дозорный, пулеметчик, патрульный*); по роду войск (*пограничник, летчик, десантник, танкист*); исторические (*гусар, рыцарь, казак*).

Наиболее употребляемым в произведениях существительным из семантической группы «Военнослужащие» является «*солдат*», встречается данная лексическая единица в нашем материале 49 раз. На наш взгляд, данный факт связан с тем, что слово «*солдат*» обладает более широким семантическим полем, включающим в себя больше семантических смыслов, по сравнению с другими лексическими единицами. Солдатом можно назвать практически любого участника военных действий, без уточнения звания. То есть лексическая единица «*солдат*» в некоторых случаях выступает в качестве собирательного названия для лиц, принимающих участие в военных действиях.

Продемонстрируем разнообразие употребления лексической единицы «*солдат*» на примерах из произведения «Ночной дозор»:

«— Фигня, — не оглядываясь, отмахнулся *оператор*. Высунув язык, он подцеплял на карте очередную точку: *рядового* Темного, вышедшего на облаву.

- Чему ты радуешься, дурачок, те, кто правит бал, на твоей карте никогда не покажутся. Играл бы в **солдатики** лучше, с тем же самым упоением властью». Отметим, что в данном примере помимо лексической единицы «солдат», также употребляются слова «оператор» и «рядовой», которые также относятся к семантической группе «Военнослужащие». В данном примере слово «солдат» используется во множественном числе и в уменьшительно-ласкательной форме. Кроме того, лексема «солдатики» функционирует не для названия лица, а в качестве части фразеологизма «играть в солдатики».

Обратимся к следующему примеру: «Я скользнул на винтовую лестницу. Та ярость, с которой я ехал сюда — убивать и скорее всего быть убитым, — исчезла. Наверное, так в какой-то момент боя **солдатом** овладевает ледяное спокойствие. Так у хирурга перестают дрожать руки, когда больной начинает умирать на операционном столе». В указанном примере существительное «солдат» используется в качестве собирательного существительного, передающего образ человека, не демонстрирующего отдельную личность. В данном примере *солдатом* могут быть названы и рядовые, и лейтенанты, и любые другие участники военных действий, выполняющие свои обязанности.

В следующем примере наблюдается использование лексической единицы «солдат» также в качестве собирательного образа: «Света, но что же здесь плохого? Да, мы **солдаты**. Все до единого, от Юли до Гесера. На войне не очень-то весело, конечно. Но если мы отступим...». Сама по себе лексическая единица «солдат» в данном примере не указывает на включение в собирательный образ военных женского пола. Однако из контекста мы видим, что говорящий относит к солдатам и женщин: «Да, мы **солдаты**. Все до единого, от Юли до Гесера».

В этой семантической группе появляются женское и мужское звание по полу человека. Несколько суффиксов названий военнослужащих обозначает мужской пол: *-ец, -ик, -ок, -ник, -щик, -ист, -чик, -ач, -ар, -ер, -ёх(а)* и др. В то же время несколько обозначает женский пол: *-ниц(а), -ш(а), -к(а), -ис(а)* и др.

В армию принимают людей почти исключительно мужского пола. Мужской пол – символ силы. Очевидно, что среди них большинство названий военнослужащих является существительными мужского рода.

Но среди этих лексем появляются и существительные женского рода. Это тесно связано с реформами в армии или в военной академии. По мере повышения места женского пола в современном обществе некоторые военные академии готовы принимать женщин. Кроме того, некоторые из этих лексем являются словами разговорного стиля. Так, в следующем примере мы видим прямое указание на принадлежность женщины к должности патрульного: «– Есть несколько подобных заклинаний, – призналась я.

– А есть и такие, для которых требуется печень вервольфа, забитого в полнолуние. Глаза оборотня злобно полыхнули, но он промолчал. Рангом он не вышел со мной спорить. Пусть я и простая **патрульная ведьма**, но уж никак не наемный вервольф». Слово «патрульный» преобразуется в прилагательное «патрульная» женского рода и становится определением к слову «ведьма», которое более частотно в русском языке именно в форме женского рода, хотя в собранных нами примерах есть и существительное мужского рода: *в руках у ведьмака был кнут*.

2) К группе «Вооружение» относятся такие слова: *танк, истребитель, бомбардировщик, броневик, пушка, зенитка, гаубица, гранатомет, миномет, пулемет, пистолет, автомат, ППШ, ружье, двустволка, винтовка, кинжал, клинок, нож, меч, сабля, штык, снаряд, пуля, бомба, обойма, патрон, граната, порох, взрывчатка, фугас, амулет, посох, жезл, дубина* и т. д.

Эта группа состоит из огромного количества лексем, которые разделяются на подгруппы: боевая техника (*танк, истребитель, бомбардировщик, броневик, пушка, зенитка, гаубица*); огнестрельное оружие (*гранатомет, миномет, пулемет, пистолет, автомат, ППШ, ружье, двустволка, винтовка*); холодное оружие (*кинжал, клинок, нож, меч, сабля, штык*); боеприпасы (*снаряд, пуля, бомба, обойма, патрон, граната, порох, взрывчатка, фугас*); магическое оружие (*амулет, посох, жезл, дубина*).

Почти ежегодно появляется много новых видов оружия, и вместе с ними образуются новые названия. Кроме того, по мере углубления глобализации, при помощи СМИ некоторые иностранные лексемы заимствуются в лексическую систему русского языка. Посредством СМИ некоторые военные термины входят в обыденную жизнь и известны всему миру. К тому же при второй обработке СМИ некоторые термины приобретают разговорный или просторечный оттенок.

Наиболее часто в данной семантической группе встречается слово «*пистолет*» (56 раз), которое относится к подгруппе огнестрельного оружия. Обратимся к примерам употребления лексической единицы «пистолет» в контексте произведения [Лукьяненко С. Ночной дозор, 1998]: «У меня отказывались гнуться пальцы. **Пистолет** стал тяжелым и отлитым из льда. Может быть, я выдержу еще минуту или две...»; «**Пистолет** задергался, застучал, лениво заходил *затвор*, выплевывая гильзы. *Пули* ползли по воздуху, будто маленький злой осиный рой. Он крикнул лишь один раз, потом две *пули* разнесли в клочья череп»; «Когда **пистолет** щелкнул и замолчал, я медленно, машинально перезарядил *обойму*»; «**Пистолет** их ошеломил. Может быть, потому, что я вышла из аэропорта, и предположить, что у меня есть оружие, было совсем невозможно. А может, почуяли инстинктом мелких шавок, что выпустить им мозги будет для меня развлечением».

Обратим внимание на использование слова «*пистолет*» в качестве активного участника действий, именно участника, так как пистолету во многих случаях придается оттенок олицетворения. На наш взгляд, данный факт обосновывается тем, что оружие, как и военные, являются основными участниками и элементами военных действий. Именно поэтому пистолету приписываются такие действия, как «здергался, застучал, лениво заходил затвор, выплевывая гильзы», «щелкнул и замолчал»; «ошеломил». Пистолет представляется не просто оружием, а некоторым живым существом.

3) К группе «Военное обмундирование» относятся такие слова: *гимнастерка, шинель, (военная) форма, обмундирование, мундир, китель, погоны, фуражка, шлем* и т. д.

Слова из группы «Военное обмундирование» немногочисленны и употребляются не так часто, как лексические единицы из предшествующих семантических групп. Однако отметим, что наиболее часто употребляется слово «*фуражка*».

Рассмотрим контексты употребления слова «*фуражка*» в тексте произведения [Лукьяненко С. Школьный надзор, 2013]: «С ранних лет при упоминании «детской комнаты милиции» ему почему-то рисовалась в воображении комната с игрушками и деревянным конем-качалкой, но с решетками на окнах. И обязательно с милиционером, высоченным, как дядя Степа, в белом *кителе* и **фуражке** с белым верхом»; «Гаврилов, увидев в коридорчике старшего товарища, взметнул брови так высоко, что Денисову почудилось, будто **фуражка** участкового инспектора сама собой поползла на затылок»; «– Качашкиным. Вернее, тут такая запутанная ситуевина, – с охотой пустился в объяснения милиционер, обмахиваясь **фуражкой**, словно веером, – бабка Варвара – ты ее не знаешь – полгода назад выправила это разрешение у Качашкина для обмена на необходимое ей вмешательство. Обменом занимался Угорь, подробности можете уточнить у него. А поскольку разрешение было оформлено на предъявителя, без указания имен-фамилий, Угорь передал его мне». На наш взгляд, частое употребление слова «*фуражка*» в основном связано с распространённостью такого головного убора не только среди военных, но и среди сотрудников правоохранительных органов, как показывают и приведенные примеры, что способствует частому употреблению слова «*фуражка*».

4) К группе «Военные действия и военные операции» относятся слова, по большей части являющиеся отглагольными существительными: *бой, патрулирование, атака, наступление, штурм, оборона, осада, схватка, победа, удар, выстрел, стрельба, рукопашная, разведка* и др.

В данной семантической группе наблюдается преобладание использования слова «разведка». Рассмотрим пример: «И какие силы сразу бросаются на поиски! Темные, Светлые, Инквизиция... И не один я над этим делом работаю, я лишь выдвинутая вперед пешка, проводящая **разведку** на местности. Морщит лоб Гесер, хмурится Завулон, скалится Витезслав. Человек пожелал стать Иным! Ату его, ату!». В указанном контексте слово «разведка» приобретает пейоративный оценочный компонент, не свойственное ему при употреблении без оценочного контекста. Разведка в примере используется для описания незначительной и простой работы среди других военных действий.

Кроме того, часто употребляется слово «бой» из данной семантической группы. Обратимся к примеру: «Метель не унималась вторые сутки. Последняя метель зимы. Последний **бой** ледяной стихии. Бессмысленный и беспощадный, как и всякий последний **бой** на войне, где не берут пленных. Завтра мартовское солнце прорвется сквозь слепящую завесу, снежные горбы начнут стремительно чернеть, а на смену ровным белым дорожкам придет невнятная коричневая каша. Но это будет завтра. А пока зима удерживала *плацдарм*, бросая в *битву* последние *резервы*. И не без успеха. На моих глазах широкая колея сузилась почти вдвое, а россыпь кровавых пятен и вовсе скрылась из виду». Отметим также употребление в данном примере слова «битва», относящееся к этой же семантической группе существительных, и слова «плацдарм», «резервы» относящееся к другой семантической группе. Слово «бой» употребляется в данном контексте в двух своих значениях – прямом и переносном, оба раза в составе устойчивого сочетания «последний бой». «Последний бой ледяной стихии» реализует переносное значение слова «бой», означая метафорическую схватку. «Как и всякий последний бой на войне» — имеет прямое значение сражения и военных действий на поле битвы.

5) К группе «Военные подразделения, рода войск» относятся такие слова: *пехота, артиллерия, десант, взвод, батарея, дивизия* и т. д.

6) К группе «Военные организации(в том числе военно-учебные заведения)» относятся такие слова: КРА (Клуб российской армии), оборонка, ВАГШ (Военная академия Генерального штаба), военнопriзывное ведомство и т. д.

7) К группе «Названия войн или операций» относятся такие слова: *я-война, Мини-война, технологическая война, утомиловка, ограниченная ядерная война, ВОВ* и др.

Названия военнослужащих и вооружений составляют большую часть существительных. Эти слова часто встречаются в военной фантастике. По мере непрерывного изменения российского общества некоторые из них становятся устаревшими или устаревающими тогда, когда появляются номинации новых вещей и явлений, тесно связанных с армией, как название вооружений, военного обмундирования, некоторых военных организаций.

После распада СССР некоторые названия военных организаций становились и становятся историзмами: КГБ, Гэбуха. В современном обществе появились другие новые организации, тесно связанные с военными делами, как, например, СО (Союз офицеров). После 2000 года в России началась новая военная реформа. Поэтому ряд военных теорий и доктрин дополнился и развился. В армии появились новые военно-тактические термины, как *неядерное сдерживание*. По мере научно-технического прогресса вооружение также добивается обновления и развития. Когда разрабатывается вооружение нового типа, его наименование появляется в системе военной лексики и потом становится публичным, попадая и в художественные тексты, например, лексема *авианосец*.

С точки зрения словообразования в военных терминах часто употребляется дефисное правописание сложных существительных с помощью *воин-, истребитель-, корабль-*: *воин-пограничник, воин-химик, истребитель-бомбардировщик, истребитель-перехватчик, корабль-амфибия, корабль-шпион*. Некоторые сложные существительные образуются с помощью

неоднородных морфем-признаков, как *развед-*, *противо-*, *бомбо-*, *микро-*, *сверх-*, *спец-*: *разведгруппа*, *разведсводка*, *противопехотка*, *бомбопоклонник*, *микроавиация*, *сверхвооружения*, *спецназ*.

В общевойсковой лексике прилагательные занимают не такую большую часть, как существительные. Существительные общевойсковой лексики происходят часто от номинации новых вещей и явлений, новых значений устаревших слов или слов, заимствованных из других языков.

А прилагательные обычно образуются от существительных с помощью суффиксов *-н-*, *-ск-*, *-чesk-*: *авангард* – *авангардный*, *дембель* – *дембельский*, *миротворец* – *миротворческий*, и суффиксов *-овск-*, *-ин-*: *бэтээр* – *бэтээровский*, *дух* – *духовский*, *ЦРУ* – *цэрэушный*. Некоторые прилагательные происходят от глаголов и причастий: *военизировать* – *военизированный*, *вооружить* – *вооружённый*, *воинствовать* – *воинствующий*, *нести* – *авианесущий*, *думать* – *думающий*, *бронировать* – *бронированный*, *неуправляемый*, *невзорвавшийся*, *неразорвавшийся*.

В военных терминах бывают дефисное и слитное написание сложных прилагательных с помощью *военно-*, *десантно-*, *воздушно-*, *зенитно-*, *инженерно-*, *оперативно-*, *ракетно-* и т.д.: *военно-авторитарный*, *военно-силовой*, *военно-космический*, *военнопризывной*, *десантно-высадочный*, *десантно-штурмовой*, *зенитно-артиллерийский*, *инженерно-авиационный*, *оперативно-тактический*, *ракетно-бомбовый*.

Глаголы общевойсковой лексики обычно относятся к военному жаргону, т. е. употребляются только в ситуации неформальной коммуникации военнослужащих и неизвестны другим людям. Некоторые глаголы заимствованы из других языков, другие образованы от исконно русских прилагательных и существительных на основе переносного значения. В течение войн проходят военные конфликты между странами, но в какой-то степени говорят, что при этом между разными странами происходит обмен культурами и языками.

Например, военно-воздушные силы СССР участвовали в войнах и операциях Китая в 1927–1945 гг., поэтому некоторые глаголы вошли в систему русских военных жаргонов с помощью транслитерации и суффикса *-и(ть)*, как, например, *чуфанить*. Эти слова переносятся в общевойсковую лексику с новыми значениями. Назовем глаголы, образованные при помощи суффиксов: *-ирова(ть)*: *конверсировать*; *-ова(ть)*: *курковать*, *быковать*, *бычковать*, *покантовать*; *-е(ть)*: *буреть* (образованный от прилагательного *бурый*); *-и(ть)*: *бомбить*, *загасить*, *зачуханить*; *-а(ть)*: *штывать*, *рюхать*, *припахать*. При образовании глаголов активно функционируют префиксы *за-*, *от-*, *по-*: *закурковать*, *зачифанить*, *зачмарить*, *зачуфанить*, *откосить*, *отмазать*, *почифанить*, *покантовать*, реже *о-*: *осолдафониться* (образованный от существительного *солдафон* при помощи префикса *о-*, суффикса *-ить* и постфикса *-ся*). Среди этих слов некоторые слова произведены от существительных: *конверсия* – *конверсировать*, *солдафон* – *осолдафониться*, *чифан* – *чифанить*.

В системе общевойсковой лексики сначала появляются новые вещи и явления, потом номинации этих вещей и явлений входят в систему русского языка, при помощи способов конверсии от существительных постепенно образуются прилагательные и глаголы. В системе военной лексики существительные по количеству занимают первое место.

II.1.2 Военная лексика с точки зрения происхождения

В военной области большинство военных лексем относится к заимствованным словам, а исконно русских лексем меньше, например:

Война, ы (мн. *война*, *войн*), ж. р. Слово *война* имеет значение ‘вооруженная борьба, военные действия между государствами, народами или общественными классами’ [А.М. Плехов. Словарь военных терминов, 1988]. Слово *война* обозначает ‘конфликтные отношения между государствами, при которых обе стороны используют средства экономического и идеологического

воздействия'. Слово *война* ещё имеет значение 'организованная борьба с кем-, чем-л; действия, направленные на уничтожение кого-, чего-л.'. Кроме того, слово *война* еще обозначает 'непримиримое противостояние; несогласие; соперничество'.

Обратимся к контекстам употребления слова *война*: «— Вот почему **война!** — сообразил я. — Конечно. Таких выплесков ненависти в *мирное время* не бывает. Гаденыш Адольф... у него было много поклонников, но его спалили бы в первый же *военный год*. Вместе со всей Германией. У Сталина ситуация была иной, чудовищно много обожания... мощный *щит*. Антон, я, простая русская женщина... — мимолетная улыбка показала все отношение Ольги к слову «простая», — всю последнюю **войну** занималась тем, что прикрывала *врагов* своей страны от проклятий»; «Егор... если сейчас начнется **война** Добра и Зла — погибнет половина человечества»; «Это **война**. А **война** преступна всегда. Всегда, во все времена, в ней будет место не только героизму и самопожертвованию, но еще и предательству, подлости, ударам в спину. Иначе просто нельзя **воевать**. Иначе — ты заранее проиграл»; «— Любая **война** хуже мира.

— Только не эта. — Максим поднял руку с *кинжалом*»;

«— Это **война!**

— Ты сам породил свою **войну**, — прошептал я. — Ты сам ребенок, со своим детским *кинжалом*»; «Максим ведь не отступит. Это его **война**, его маленькая голгофа, на которую он себя тащил несколько лет. Либо он *победит*, либо *погибнет*» [Лукьяненко С. Ночной дозор, 1998]. Во всех контекстах слово «*война*» обладает негативным семантическим значением, передающим значение военных действий между людьми и нечистью.

Активное заимствование русским языком иноязычных слов, в первую очередь англицизмов, усилившееся во времена перестройки, когда в России формировались новые политические, экономические, социальные и культурные реалии, продолжается и в настоящее время. Иноязычные лексемы

являются важной составной частью военных слов, участвуя в пополнении словарного состава русского языка.

1) Заимствования в военной области обычно относятся к транскрипционным словам, т.е. фонетической (звуковой) передаче иноязычного слова. Они обычно заимствуются из английского, французского, японского, арабского языков. Например, *апачи* (англ. *apache*), *трайидент* (англ. *trident*), *Эм-Экс* (англ. *MX*, межконтинентальные баллистические ракеты Америки), *рейнджер* (англ. *ranger*), *СКАД*, *армия*, *камикадзе*, *аль-каида*, *аль-шабаб*, *джи-ай*, *европол*, *джихад*, *моджахед* и другие.

2) Некоторые иноязычные слова входят в русский язык путем транслитерации (т.е. графическая, или буквенная, передача иноязычного слова), например, *бомбардир* (нем. *Bombardier* «артиллерист»), *оверкилл* (англ. *overkill*), *дефиле*, *стингер* и другие.

3) Кроме того, кальки, т.е. буквальный поморфемный перевод иноязычного слова, тоже относятся к заимствованиям. Калька (от фр. *calque* — копия) разделяется на следующие виды кальки: словообразовательные, семантические, фразеологические, ложные и полукальки.

В современном русском языке, главным образом, употребляются словообразовательные кальки для образования новых слов. В целом, названия различных видов оружия нового типа занимают большую часть заимствованных из иностранных языков лексем.

Исконно русские военные лексемы известны с периода древнерусского языка.

По мере совершенствования военных систем разных стран количество военных лексем непрерывно увеличивается. Иноязычные слова заимствуются в систему русского языка тогда, когда между странами или регионами происходят войны или операции. Ведь заимствование – закономерный путь развития любого языка.

II.1.3. Военная лексика с точки зрения сферы употребления

Слова, объединенные военной сферой, образуют определенные лексические группы: 1) общеупотребительную лексику и 2) лексику ограниченного употребления. Общеупотребительные слова – это слова, входящие в активный словарный запас человека, употребляемые им постоянно, независимо от профессии, места жительства, уровня образования. Эти слова обычно используются в повседневной жизни, имеют общеупотребительное значение, а также значение в военной области и ещё другие значения, т. е. полисемы с военным значением.

Посредством метафоризации значения слов в эти полисемы с военным значением переносятся или из общих слов без военного значения (*контрактник, карандаш*), или из военных терминов и жаргонов с одним значением (*боец*). Их военное значение обычно происходит от переносного значения и заимствования слов. Среди них имеется немало омонимов, большинство которых основывается на распаде полисемов (*Авангард¹, Авангард²*) или случайного связывания между двумя омонимами (*утенок*) в процессе эволюции и развития русского языка.

Контрактник, м. разг.

1. Слово *контрактник* имеет общеупотребительное значение ‘специалист, работающий по контракту’ [Т. Таджикский Военная энциклопедия, 2004].

2. В военной сфере слово *контрактник* обозначает ‘военнослужащий, добровольно оставшийся на сверхсрочную военную службу и заключивший для этого контракт’.

Боец, бойца, м.

1. Слово *боец* обозначает ‘член вооруженного, военизированного отряда’.

2. Когда слово *боец* употребляется в других сферах, например, в криминальной, оно имеет одинаковое значение со словом «*боевик*».

3. Когда слово *боец* употребляется в спортивной области, оно означает ‘спортсмен, занимающийся боевыми искусствами; участник боя (2 зн.)’.

Рассмотрим употребление слова «*боец*» в контексте анализируемого произведения [Лукьяненко С. Ночной дозор, 1998]: «Я посмотрел на Семена — тот отвел глаза. Тигренка медленно трансформировалась обратно в девушку... но тоже старалась не смотреть мне в лицо. Медведь коротко взревел и, не меняя обличья, затопал к люку. Ему труднее всех. Он слишком прямолинейный. Медведь, прекрасный **боец** и *противник* компромиссов...»; «Роман приосанился, даже будто припухлость щек у него исчезла. Только что сидел рядом крупный и немного капризный младенец, а теперь — мужчина! **Боец!**»; «— Антон, ты **боец** Дозора, — сказал Гесер. — Если у тебя есть возражения, ты можешь говорить». В первом примере слово «*боец*» употребляется как синоним к слову «*солдат*», то есть человек, идущий в бой, выполняя свой долг. В данном примере слово «*боец*» относится к прямому использованию военной лексики. Во втором примере «*боец*» используется как качественная характеристика сильного, волевого и смелого человека. То есть в данном случае слово «*боец*» выходит за пределы военной семантики. В третьем примере слово «*боец*» имеет значение ‘член вооруженного, военизированного отряда’.

Утёнок, -нка, м.

Слово *утёнок* в первом значении ‘птенец утки’ является общеупотребительным. В военной сфере слово *утёнок* имеет значение ‘прозвище самолёта Су-34’ (из-за характерной формы носовой части).

Как видим, в военной области встречаются такие случаи, когда общеупотребительные слова используются в военной области для номинации видов оружия. Поэтому эти общеупотребительные слова становятся их прозвищами. В собранных нами примерах лексика ограниченного употребления в военной области — это военные термины и военные жаргонизмы.

В общевоенной лексике ещё есть такие слова, которые тесно связаны с армией, и употребляются только в военной области, это военные термины, жаргонизмы и т. д. В то же время уже вошли в обиход слова, имеющие военный оттенок, но не связанные с армией. Для украшения и оживления речи люди часто пользуются этими словами с помощью переосмысленного употребления.

II.2. Функции военной лексики в языке современной фантастики

Военная лексика часто употребляется в современной фантастике. В качестве материала для анализа нами было выбрано произведение «Ночной дозор» Сергея Васильевича Лукьяненко. Жанр произведения относят к мистике, фантастике и триллеру. Произведение представляет собой роман современной русской прозы, опубликованный в 1998 году.

«Ночной дозор» считается лучшим романом Сергея Лукьяненко. Этот солидный фэнтези-триллер, основанный на современном материале, приобрел широкую известность как в России, так и за ее пределами, получив зарубежные книжные премии и награды.

Повествование вращается вокруг мира Иных, людей, обладающих магическими способностями от рождения. Пройдя инициацию, они добровольно выбирают сторону, которой будут служить. В зависимости от того, светлая это сторона или темная, Иные попадают в Ночной или в Дневной Дозоры, чтобы следить друг за другом. Ведь, чтобы мир оставался в равновесии, количество светлых дел должно быть равным количеству темных. Но однажды равновесие нарушается. Следует точно выяснить, какая из сторон явилась нарушителем.

Военная лексика в романе «Ночной дозор» представляет крайне важный элемент повествования и занимает важное место среди лексических единиц, относящихся к другим группам. На наш взгляд, в данном романе военная лексика является основополагающим средством для передачи смыслового содержания произведения и погружения читателя в атмосферу мира дозоров.

В произведении военная лексика выполняет множество различных функций. Обратимся к военной лексике, служащей материалом для образования сравнений. Сравнение «обозначает сопоставление изображаемого предмета или явления с другим предметом по общему им обоим признаку, т.е. третьему элементу сравнения» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990: 567]. Это – стилистический прием, в которой есть в наличии предикаты подобия (*похож, напоминает*) и компаративные союзы (*как, как будто, как бы, словно, точно, ровно*). Данные союзы могут быть опущены, а подлежащее выражено творительным падежом (метафора, скрытое сравнение).

Такое определение не исчерпывает природы сравнения. Прежде всего, не всякое сравнение может быть синтаксически сжато в метафору, и, в отличие от лаконичной метафоры, сравнение распространяет речь.

Формальному различию соответствует различие в значении. Сравнение привлекает внимание к любому – постоянному или преходящему – сходству (или его отсутствию). Обозначая сущность предмета, сравнение совместимо с субъективными установками: мне кажется (я думаю). «В сравнении, кроме того, существенна именно раздельность сопоставляемых предметов, которая внешне выражается частицей *как*; между сравниваемыми предметами ощущается расстояние, которое в метафоре преодолевается. Метафора как бы демонстрирует тождество, сравнение – раздельность. Поэтому образ, привлекаемый для сравнения, легко разворачивается в совершенно самостоятельную картину, связанную часто только в одном каком-нибудь признаке с тем предметом, который вызвал сравнение» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990 : 568].

Рассмотрим особенности сравнительных оборотов, содержащих в своем составе военную лексику. Как правило, такие сравнения строятся по типичным моделям общеязыковых сравнений, а военные единицы предстают в них в качестве первого члена сравнения.

Обратимся к существительному «*выстрел*», которое используется в основе многих сравнений, присутствующих в произведении: «Светлана открыла футляр — щелчок застежки прозвучал **как выстрел**, — медленно, будто против силы достала оттуда мелок. Совсем крошечный. Неужели он так сточился за тысячелетия, когда Свет пытался менять судьбу мира?». В сравнительном обороте «щелчок застёжки прозвучал как выстрел» наблюдается использование компаративного союза «как». На наш взгляд, употребление военной лексики в составе сравнений в жанре фантастики способствует погружению читателя в атмосферу происходящего в повествовании. Данное сравнение позволяет читателю наиболее полно представить себе звук, о котором пишет автор.

Рассмотрим следующий пример со словом «*выстрел*»: «Впрочем, уже в следующую секунду Евгений понял, что ошибся: в руках у ведьмака был кнут, который он так раскрутил над головой, что на конце его гибкого искрящегося тела образовалось кольцо, принятое с первого взгляда за обод сачка. Харламов дернул кистью, метнулась к земле молния, **и вновь раздался оглушительный звук, похожий на выстрел**. Оказывается, так щелкал кнут бородатого дедка с Поволжья». В данном примере автор использует предикат подобия «*похожий*», что лежит в основе функционирования сравнения. Вновь автор использует слово «*выстрел*» для описания звука, подтверждая тем самым, что данное сравнение наиболее полно передает своеобразие описываемого звука.

Многие сравнение в произведении построены на основе слова «*команда*», в значении ‘приказ, указание’. Обратимся к фрагментам из романа «Ночной дозор»: «– Ну и ну! – сказал я. Голос прозвучал глухо, как и любой звук в сумраке. Мои коллеги **как по команде** повернули головы на голос»; «И тут я понял: что-то началось. Светлые **как по команде** повернули головы в сторону летного поля и разом ушли в сумрак. Я – лишь секундой позже»; «Они молча, не чокаясь, выпили. И **как по команде** уставились на бумажный лист»; «То ли ветер изменил направление, то ли очередная ветка под ногой руководителя районного Дневного Дозора хрустнула особенно громко – так

или иначе, сидящие у костра одновременно, **как по команде**, повернули головы в сторону подкрадывающихся Иных. Секунду или две ничего не происходило, потом один из оборотней поднялся, сделал шаг, другой...».

Обратим внимание на использование компаративного союза «как». Сравнение «*как по команде*» используется исключительно с компаративным союзом «как», что обусловлено лексической сочетаемостью и закреплением данного словосочетания в узусе языка. Отметим, что лексическая единица «команда», обладающая семантикой военного приказа, стала общеупотребительной лексической единицей русского языка. Во всех указанных примерах данная лексическая единица используется исключительно в значении непроизвольного совместного движения (здесь чаще *головой*), совершаемого одновременно несколькими людьми. На наш взгляд, несмотря на принадлежность лексической единицы «команда» к группе военной лексики, в данных предложениях она реализуется исключительно как закрепившееся в русском языке устойчивое выражение, что подтверждается и отсутствием выделения с помощью запятых (кроме последнего примера, осложненного присутствием синонимичного наречия *одновременно*).

Рассмотрим следующий пример с использованием слова «команда» в составе сравнения: «— «Фризз!» — крикнула Ольга, и я отреагировал на ее слова, **как на команду** — со всей силы, что была, *ударил* в незнакомца *заклинанием локальной остановки времени*». В данном примере вновь наблюдается использование компаративного союза «как» в сочетании со словом «команда». Однако различие между указанным примером и предшествующими состоит в том, что здесь лексическая единица «команда» реализуется в значении военного приказа, демонстрируя резкую реакцию на что-либо.

«Рассмотрим примеры сравнений, построенных в романе с помощью военной лексической единицы «бомба»: «— Не нужно, чтобы «Фуаран» появилась опять», — сказал Дреер. — Будут только смерть и горе. Она еще хуже

«Некрономикона». Это **как ядерная бомба**. Лучше бы ее не было никогда». В сравнении «*как ядерная бомба*» используется компаративный союз «как», что ярко демонстрирует сравнение. Бомба является одним из видов военного оружия. Однако в данном сравнении используется один из самых опасных видов бомбы – ядерная, гиперболизируя последствия и эффект от появления «Фуаран». В сравнении слово «*бомба*» реализуется в своем семантическом значении военного оружия. С помощью указанного сравнения автор не только передает читателю атмосферу военных конфликтов между персонажами романа, но и воздействует на его восприятие.

Обратимся к следующему примеру: «Но тот, кто внутри меня, неожиданно шевельнулся и успокоил: все идет как надо. Ты поступил правильно, избавившись от Когтя Фафнира. Меня захлестнула такая блаженная и такая непоколебимая уверенность в собственной правоте, что даже ветер перестал казаться холодным и пронизывающим. Все отлично. Все правильно. **Детям негоже играть с атомными бомбами**». Данный пример представляет интерес для анализа, так как сравнение в данном фрагменте скрытое и неявное. Сравнение здесь реализуется только за счёт контекста и не имеет формальных признаков для выражения сравнения. Однако читатель обращает внимание на то, что автор сопоставляет Коготь Фафнира с ребёнком, играющим с атомной бомбой, что транслирует неосторожность и опасные последствия для других.

Сходная функция обнаруживается в следующем примере: «Сказанное Гесером и впрямь было полнейшей чужью. Иногда детей-Иных инициировали в возрасте пяти-шести лет, но никак не раньше. Ребенок, получивший способности Иного и не способный толком их контролировать, – это **ходячая бомба**. Тем более такой сильный Иной, как Надюшка. Даже сам Гесер будет не способен ее остановить, если девочка расшалится и начнет использовать свою Силу». В данном случае сравнение вновь не выражается с помощью компаративных союзов или предикатов подобия. Однако сравнение не скрыто

и явно читается за счёт словосочетания «ходячая бомба», которое является закрепившимся в русском языке.

««— Ладно», — сказала Надя. — Извините меня, пожалуйста, мама и папа. Я больше не буду. Я все исправлю!

— Не надо исправлять! — воскликнула Светлана.

Но было уже поздно. Вода, которая оказалась в рюмках вместо водки, внезапно превратилась обратно в водку. А может быть, и в спирт. Прямо у нас в желудках. Я почувствовал, **как в животе будто маленькая бомба взорвалась**. Крякнул и стал наворачивать почти остывшую картошку». Обратим внимание на использование союза «*будто*», вводящего изъяснительное придаточное. С помощью сравнения «*в животе будто маленькая бомба взорвалась*» автор реализует воздействующий эффект, помогая читателю прочувствовать то, что переживают герои книги.

В следующем фрагменте вновь наблюдается использование сравнения со словом «*бомба*»: «Силы — от старинных шаманских до экспериментальных немецких остатков былых попыток общества Туле прорвать блокаду. Ленинград не сдался, Иные нацисты попали под закрытый нюрнбергский Трибунал Инквизиции, но их редкое оружие еще хранила земля, **как нерванувшие бомбы**». В сравнении «как нерванувшие бомбы» вновь наблюдается использование формального признака сравнения — компаративного союза «*как*». Отметим, что в данном примере слово «*бомба*» реализуется не в значении чего-то опасного, а наоборот что-то не имеющее опасного воздействия на определенное время, но при этом не менее угрожающее, так как в любой момент может проявить свои опасные свойства.

Рассмотрим дополнительный пример: «— Такие воронки работать выборочно не способны. Девчонка обречена, но на нее не свалится кирпич с крыши. **Скорее взорвется дом, начнется эпидемия, на Москву случайно сбросят атомную бомбу**. Вот в чем главная беда, Антон». Сравнение реализуется в данном примере с помощью контекста и наречия «*скорее*», сравнивания два события и вероятность того, что они случатся. Отметим

разноплановость и многогранность употребления сравнений со словом «бомба» в фантастическом романе «Ночной дозор».

Рассмотрим последний пример употребления сравнения со словом «бомба»: «В глазах зарябило от искрящихся всеми цветами радуги аур. Казалось, они вот-вот разорвут сейф на части, что было недалеко от истины. Сокрытой здесь энергии **позавидовала бы любая бомба**. Главный *арсенал* Дневного Дозора – коллекция *амулетов* на все случаи жизни. Я отодвинул *жезл с Вифлеемским огнем*, осторожно переложил на нижнюю полку *колючку Марева Трансильвании*, достал три одинаковых, выточенных из оникса *стержня*». На наш взгляд, в данном примере сравнение основывается на метафоричности: «Сокрытой здесь энергии позавидовала бы любая бомба». Сравняется сила энергии в книге с энергией от бомбы. В данном примере слово «бомба» реализует не только свою военную семантику, но и способствует (вместе с другими названиями видов оружия) передаче атмосферы конфликта, войны и опасности, царящих в описываемой сцене.

Далее нами будут рассматриваться примеры сравнений в совокупности с примерами метафор и фразеологизмов. Рассмотрим пример с использованием лексической единицы «оружие»: «— Но зачем? Зачем вам это понадобилось? Нулевая волшебница — это срыв равновесия, это нарушение баланса, это... это **как атомное оружие, которое делают, чтобы не применять...**». Вновь наблюдается распространенное использование компаративного союза «как» в составе сравнения «это как атомное оружие, которое делают, чтобы не применять». С помощью сравнения автор может точно передать отношение к ситуации своего персонажа, выразить мысль и воздействовать на восприятие читателя. Кроме того, в данном случае сравнение достаточно яркое и категоричное, что однозначно привлекает внимание читателя.

Рассмотрим следующий пример с использованием лексической единицы «оружие»:

«— Егор. — Я медленно пошел к нему. — Выслушай, что я скажу...

— Стойте!

Командовал он так резко, будто у него было в руках оружие. Я вздохнул, остановился».

В данном примере наблюдается использование союза «*будто*», проявляющего сравнение. Сравнение в данном случае реализуется за счёт сопоставления смелого и уверенного тона команды с ситуацией, в которой командующий имеет в руках оружие, придающее ему такую уверенность.

Рассмотрим следующий пример:

«— А вы, Эразм?

— И я тоже, — ухмыльнулся Эразм. — Я не играю в дозорные игры, благодарю покорно! Но все рассказывают только идиоты. Информация — это и **оружие**, и товар».

В указанном примере слово оружие – именная часть сказуемого при подлежащем информация, реализуется сравнение, основанное не на формальных признаках, а на метафорическом приёме. Информация сравнивается с оружием, наделяется теми же функциями и характеристиками, а именно – способностью быть использованной, чтобы нанести кому-то вред. Автор с помощью такого приёма достигает полноценной передачи информации и атмосферы произведения, в которой чувствуется напряжение.

Приведем еще один пример сказуемого-сравнения: «И было решено, что иным нужна сдерживающая сила, на всякий случай... если вдруг Сумрак перестанет выполнять наши маленькие капризы и станет слишком уж активен. Как вы решили, какого цвета она будет? Кинули монетку? Завулон поставил на орла, Гесер на решку? Тебя не смущает, что вы растите ребенка как **живое оружие?**». Союз «как» обозначает «в качестве». Тем не менее, присутствует метафора «живое оружие», что является аллегорией на ребёнка, которого воспитывают для того, чтобы использовать против врагов его силу. Отметим, что данная совокупность метафоры и сравнения полноценно и однозначно передаёт негативное отношение говорящего к сложившейся ситуации. Автор

умело реализовал функционал стилистических приёмов, в основе которых лежит слово «*оружие*», относящееся к военной лексике.

Та же функция, но в сочетании с дополнительными приемами, отмечается в примере: «Сработали *сторожевые заклинания* вокруг нашего дома, навешенные давным-давно Гесером... и, как я теперь понимаю, еще и Завулоном. Заклинания, оберегающие Абсолютную волшебницу. Ту, кого Великие держали в запасе **как оружие Судного дня**». В данном примере наблюдается использование фразеологизма «оружие Судного дня», которое закрепилось в языковом узусе русскоговорящих людей. Автор комбинирует сравнение с метафорой, фразеологизмом для достижения наиболее эффективного воздействия на читателя, что является одной из ведущих функций художественного произведения.

Обратимся к следующему примеру: «Потом стал заметен неваляшка – единственное живое существо в непосредственной близости от набухшего пузыря. Здесь его **оружием** была не вода, а мелкая песчаная пыль, подбираемая с серой равнины». В данном примере реализуется аллегория, которая основывается на использовании персонажем песочной пыли в качестве оружия для обороны и нападения. Лексическая единица «*оружие*», относящаяся к военной лексике, создает образ борьбы и противостояния, что характерно для военной лексики.

В следующем примере в основу сравнения была положена лексическая единица «*союзник*»: «– Вот видишь – ты продолжаешь мыслить, **как мой союзник!** – немедленно заметил Эдгар. – Повешу *защитные и сторожевые заклинания*, что еще... Часа через два-три сюда придут *эксперты*. Проверят все досконально. Идем?». В данном примере с помощью сравнения «как мой союзник» автор тонко подмечает неоднозначные отношения между персонажами, которые являются недостаточно близкими, но вынуждены доверять друг другу из-за обстановки военного конфликта, борьбы и противостояния сторон.

Перейдем к рассмотрению примера со словосочетанием *«ракета с ядерными боеголовками»*: «На секунду меня захлестнуло ощущение безбрежной, всепоглощающей власти. **Словно рука легла на пульт управления ракетами с ядерными боеголовками**». В указанном примере сравнение реализуется за счет союза *«словно»*, выражающего уподобление и сопоставление. В основе сравнения лежит специальная военная лексическая единица *«ракеты с ядерными боеголовками»*. Автор достаточно тонко с помощью сравнения подметил состояние героя, который поддался ощущению власти. Таким образом, автору удалось реализовать воздействие на читателя, детально описать состояние персонажа и помочь читателю прочувствовать это состояние.

Рассмотрим пример, в котором вновь используется сравнение: *«Штабную палатку на поляне сотворил Качашкин, а укрепляли ее всем миром. В результате вышла она размерами с шатер, а по неприступности больше напоминала ядерное бомбоубежище – в магическом смысле, разумеется»*. Предикат подобия *«напоминала»* лежит в основе сравнения, использующего словосочетание *«ядерное бомбоубежище»*. Вновь автору удается с помощью совокупности средств выразительности и военной лексики передать читателю в подробном описании сцену происходящего. С помощью таких точных сравнений автор достигает максимального воздействия на читателя, не просто передавая ему информацию о происходящем, но и погружая читателя в мир персонажей книги.

«Обратимся к следующему примеру: *«– Выясните их», – сказал бывший глава школьного Надзора. – Поговорите. Возможно, все удастся решить. Я мало на это надеюсь, но вдруг. Сейчас они ничем не отличаются от американских школьников из сводки теленовостей, которые вооружились до зубов, забаррикадировались в школе и выжидают. И у нас только два пути: *штурм* или *переговоры*. Может быть, они и вас близко не подпустят. Но вы должны хотя бы попытаться»*. В указанном примере сравнение отличается своей объёмностью и точностью передачи замысла

автора «ничем не отличаются от **американских школьников из сводки теленовостей, которые вооружились до зубов, забаррикадировались в школе и выжидают**». Автор использует как основу сравнения знакомую всем современную реалию «school shooters», то есть школьных стрелков. Произведение было написано в 1998 году, что объясняет отсылку именно на американских школьных стрелков, ведь в то время это было чрезвычайно редким явлением и первый прецедент произошел как раз в Америке. Военная лексика в данном сравнении представлена словом «забаррикадировались» и метафорой «вооружиться до зубов», которая уже давно вошла в активное употребление русскоговорящих людей.

Далее сравним следующий отрывок из произведения «Ночной дозор»: «*Оперативник* вышел из *укрытия* с подвязанными на обе ладони **«Катюшами»**, древними *заклятьями*, получившими новое имя после *Великой Отечественной*: всем, кто прошел *войну*, маленькие *светящиеся шарики*, срывающиеся с пальцев один за одним, **напоминали миниатюрную модель реактивного миномета**». Автор использует специальную военную лексическую единицу «*Катюша*», которая является своего рода профессиональным термином среди военных. Однако затем автор объясняет, почему древние заклятья называются «Катюша», на основе сходства эффекта от действия заклятья и миномета.

Рассмотрим следующее сравнение: «Екатерининский парк стоял, конечно, не в *руинах*, **как во время отхода гитлеровцев**, но уверенно к этому приближался. Недалеко от Дреера статуя на газоне потеряла голову. Две другие по краям лестницы тоже были расколоты. В беззвездном небе *полыхали силовые зарницы*, не хватало разве что *грохота канонады* и *сирены воздушной тревоги*. В живой изгороди зияли черные, *выжженные фаерболами бреши*». Обратим внимание, что в основе сравнения автор использует историческую реалию – нападение армии Германии под командованием Гитлера. На наш взгляд, такое сравнение в романе, который относится к жанру фантастики, способствует появлению у читателя чувства реальности происходящего, так

как реальность и вымышленный мир переплетаются между собой, чему способствует данное сравнение.

Далее рассмотрим использование метафоры и олицетворения: «Метель не унималась вторые сутки. Последняя метель зимы. **Последний бой** ледяной стихии. *Бессмысленный и беспощадный, как и всякий последний бой на войне, где не берут пленных.* Завтра мартовское солнце прорвется сквозь *слепающую завесу*, снежные горбы начнут стремительно чернеть, а на смену ровным белым дорожкам придет невнятная коричневая каша. Но это будет завтра. А пока зима **удерживала плацдарм, бросая в битву последние резервы.** И не без успеха. На моих глазах широкая колея сузилась почти вдвое, а россыпь кровавых пятен и вовсе скрылась из виду».

В метафоре «**Последний бой** ледяной стихии» и в сравнении «**как и всякий последний бой на войне, где не берут пленных**» автор использует в основе слово «*бой*» в его переносном и прямом значении соответственно. Кроме того, в данном отрывке присутствует дополнительная метафора «А пока зима **удерживала плацдарм, бросая в битву последние резервы**», в которой реализуются такие военные лексические единицы, как «*плацдарм*», «*битва*» и «*резервы*». С помощью указанных средств выразительности, построенных на основе военных лексических единиц, автор достигает эффекта «присутствия» читателя. Читатель погружается в повествование и чувствует эмоции и ощущения героев за счет интересных метафор, подробно описывающих происходящее.

Другой пример «Выпускать его с такой *бомбой* я права не имел. Спрашиваю: зачем тебе «Всадник» в области? Да не нужен, говорит, просто дома оставлять опасно. Мол, преемник подрастает, осваивает ремесло, но опыта пока никакого, так что может натворить бед, если решит с *артефактом* поэкспериментировать.

– Сознательный подход! – одобрил участковый.

– По отношению к ученику – да. Но вы же понимаете, что носить такой *артефакт* в кармане – это все равно как поехать в гости на «Катюше»!».

Внимания заслуживает выражение «**это все равно как поехать в гости на «Катюше»**». Словосочетание «*все равно как*» знаменует сравнительный оборот. А лексическая единица «*Катюша*», означающая название боевой машины и представляющая собой специальную военную лексическую единицу, усиливает сравнение для достижения нужного воздействия на читателя.

В данном сравнении можно прочесть ироничную интонацию, за счёт большого размера и явной заметности боевой машины, что сравнивается с заметностью и очевидностью наличия артефакта у человека из-за его мощи.

После в сравнении было использовано слово «*порох*»: «Двери разошлись. На девятом этаже огонь уже прошел, синий мох горит, **как порох**. Было тепло, куда теплее, чем обычно в сумраке. Слегка пахло гарью». Данное сравнение направленно на демонстрацию такой характеристики синего мха, как легковоспламеняемость. Военная лексическая единица «*порох*» в составе устойчивого сравнения полностью передаёт данную характеристику.

Проанализируем данный отрывок из произведения «Ночной дозор»: «У калитки стоял молодой человек, за ним трое детишек, два мальчика и девочка. И мужчина, и дети были одеты во что-то *серовато-зеленое, полувоенное, напоминающее униформу разгромленной армии*. Мужчине было лет двадцать пять, детям – лет по десять. Отцом он быть не мог, да и братом тоже – слишком разные черты лица». Обратим внимание на сравнение «*напоминающее униформу разгромленной армии*», которое реализуется за счёт предиката подобия «напоминающий». С помощью словосочетания «униформа разгромленной армии» автор достаточно точно описывает внешний вид мужчины и детей, который представляется потрепанным и неухоженным.

Обратимся к еще одному отрывку: «Сейчас он даже не стал размахиваться. *Иглы сами вырвались* с его руки, точно их потянуло к необыкновенно сильному магниту. Дмитрий на этот раз сумел проследить траекторию. **Как будто стрелы, пущенные войском маленьких эльфов, иглы градом воткнулись** в посеребренные следы». Сравнение «*Как будто*

стрелы, пущенные войском маленьких эльфов» имеет в своём составе две военных лексических единицы «*стрелы*» и «*войско*». Употребление слова «*эльфы*» вновь создает ощущение переплетения реальности и фантастики в повествовании. Однако нельзя не заметить, что сравнение достаточно полное и детально описывает движение игл, что способствует появлению у читателя в мыслях детальной картины происходящего в повествовании.

Наименования, принадлежащие к лексоко-семантической группе «оружие», часто служит основой сравнения: «– Так точно! – Голос Машковой зазвенел, **как вынутое из ножен лезвие**». Вновь сравнение способствует тому, что читатель прочувствует при прочтении звук, которого на самом деле не слышит, но благодаря детальному описанию сможет представить себе его звучание и прочувствовать атмосферу происходящего.

Изучим следующие примеры: «Дмитрий взял флакончик осторожно, **как будто взрывчатку**», «Обычно я создавал сферу больше минуты. Сейчас справился секунд за пять. Вспышка боли — **будто в голове взорвался крошечный заряд**». Обратим внимание на схожесть сравнений, во-первых, по формальным признакам — наличие в составе союза «*будто*», а во-вторых, по наличию схожих военных терминов «*взрывчатка*» и «*взорвался заряд*». Вновь автору удалось представить военную лексику таким образом, чтобы полностью раскрыть её способность участвовать в составе средств выразительности и способствовать воздействию на читателя.

Отметим группу сравнений в произведении, реализованных на основе сравнения с литературным персонажем, разведчиком Штирлицем: «Кто же? Ольга или Илья? Кто из них сейчас уязвим? **Словно Штирлиц из культового фильма семидесятых**, Эдгар откинул столик и несуетливо набросал на салфетках условные портреты – точеный женский силуэт и узкое лицо в очках. Ольга или Илья?»; «Не украли бы тачку... *Магическую защиту*, отпугивающую воришек, я *навесить* не могу. Она меня будет выдавать лучше, чем **Штирлица из анекдота** – волочащийся сзади *параюта*»; «Избушка не

шевелилась. Впрочем, она и так стояла ко мне передом. Я вдруг ощутил себя мудрым, **словно Штирлиц из анекдотов**».

Благодаря использованию знакомой многим личности Штирлица автору вновь удастся создать эффект переплетения реальности с фантастикой. У читателя появляется ощущение, что описываемые события, действительно, происходили в реальности, ведь уже не первый раз автор использует реалии, знакомые большинству.

Таким образом, военная лексика в романе «Ночной дозор» представляет крайне важный элемент повествования и занимает важное место среди лексических единиц, относящихся к другим группам. На наш взгляд, в данном романе военная лексика является основополагающим средством для передачи семантического содержания произведения и погружения читателя в атмосферу мира дозоров, а также передачи экспрессивности.

Выводы по второй главе

Военная лексика используется не только в сфере военного дела, но также широко употребляется за его пределами. Многие лексемы ограниченного употребления в системе военной лексики постепенно проникают в медийный дискурс, на страницы художественных произведений, становятся частью речевого обихода обычных людей, в основном, придавая речи экспрессивность. Количество общевоенных лексем постепенно увеличивается. То есть, можно сказать, что военная лексика хорошо знакома народу и широко распространена в бытовой жизни.

Общевоенные слова охватывают общенаучные термины, общенациональные жаргонизмы, некоторые неологизмы в военной области, семантические неологизмы, употребляемые в переносном значении и т. д. Эти слова чаще встречаются в периодических изданиях. То есть, говоря об основных источниках общевоенной лексики, можно сказать, что основным источником образования общевоенных лексем являются СМИ. Существует несколько достаточно продуктивных способов образования новых слов. В результате этих словообразовательных процессов оригинальные военные лексемы превращаются в общевоенные лексемы массмедийных текстов. Например, с помощью универбации, аббревиации или путём добавления таких продуктивных или непродуктивных аффиксов, как *анти-*, *-щина*, *-маниј(а)*, *-ник/-ик*, *-к(а)* и др., образуются слова, присущие газетно-публицистическому стилю или речевой коммуникации в повседневной жизни. Они также служат источником вдохновения для писателей, создающих художественные тексты. Иногда слова возникают в рамках определённого контекста, а затем, с исчезновением этого контекста, также выходят из употребления. Есть слова, которые не только сохраняются, но и переходят в другие сферы употребления.

Говоря о классификации военной лексики, нужно сказать, что, с точки зрения частей речи, военные лексемы преимущественно являются существительными, чаще это номинации вооружения и названия военнослужащих. Что касается этимологии военной лексики, то, как правило,

это заимствованные слова, преимущественно из тюркского, немецкого, французского и английского языков. И это понятно, так как здесь есть прямая связь с военной историей России. В настоящее время, в связи с военными конфликтами на Ближнем Востоке, также много заимствований приходит из арабского языка.

Военную лексику можно найти не только в армейском дискурсе, но и в гражданском, экономическом, спортивном и культурном контекстах. Выход военных терминов за пределы его узкоспециализированного обихода не случаен и объясняется не только лингвистическими, но и экстралингвистическими причинами. Очевидно, что те термины, которые употребляются только внутри узкого круга специалистов, не попадают в общелитературный язык, однако здесь есть несколько пограничных зон. Так, некоторые термины входят в общее употребление, а другие приобретают переносное значение. Часть общеупотребительных слов может, в свою очередь, стать источником пополнения специальной лексики.

В жанре современной фантастики стоит отметить широкое распространение лексических единиц военной тематики в таких стилистических приёмах, как сравнение, метафора, аллегория, олицетворение.

С помощью указанных средств выразительности, построенных на основе военных лексических единиц, автор-фантаст достигает иллюзии реалистичности своего повествования, создает эффект «присутствия» читателя. Читатель погружается в повествование и чувствует эмоции и ощущения героев за счет интересных метафор, подробно описывающих происходящее.

Военная лексика в романе «Ночной дозор» представляет крайне важный элемент повествования и занимает заметное место среди лексических единиц, относящихся к другим тематическим группам. На наш взгляд, в данном романе военная лексика является основополагающим средством для передачи смыслового содержания произведения и погружения читателя в атмосферу мира дозоров, а также передачи экспрессивности.

В произведении военная лексика выполняет множество различных функций, однако наибольшее употребление военные лексические единицы получили в составе сравнений. На наш взгляд, употребление военной лексики в составе сравнений в жанре фантастики способствует погружению читателя в атмосферу происходящего в повествовании.

Сравнения, построенные на основе военной лексики, в романе, который относится к жанру фантастики, способствует появлению у читателя чувства реальности происходящего, так как реальность и вымышленный мир переплетаются между собой, чему способствует именно сравнение, как средство выразительности в текстах художественного стиля.

Заключение

Военная лексика и терминология развивается в русском языке на протяжении многих веков. Вооруженные конфликты, войны были и остаются источниками возникновения и обогащения системы военной лексики. Военная история России способствовала включению в состав военной лексики заимствованных слова, в первую очередь из тюркских, немецкого, французского и английского языков, в последнее время — из арабского языка.

Военные лексемы преимущественно являются существительными, среди которых тематически преобладают номинации вооружения и названия военнослужащих. Что касается глагольной лексики, то в прямом и метафорическом значении отмечаются слова таких тематических групп, как «военные и боевые действия, боевые методы и технологии, термины поддержки боевых действий и боевых действий» и «слова для поражения врага на поле боя», «враждебное поведение, его последствия и проявления». Количество слов, относящихся к военной науке и практике, постепенно увеличивается, в эту сферу входят термины военных наук, общеупотребительная военная лексика, жаргонизмы. Этот пласт лексики закономерно привлекает внимание исследователей-лингвистов, изучающих военную лексику в семантическом, словообразовательном, культурологическом и других аспектах.

Военная лексика употребляется не только в сфере военного дела, но также широко используется за пределами этой сферы науки и практики. Многие лексемы ограниченного употребления в системе военной лексики постепенно проникают в медийный дискурс, на страницы художественных произведений, становятся частью речевого обихода обычных людей, в основном, придавая речи экспрессивность. Детерминологизированная военная лексика хорошо знакома народу и широко распространена в бытовой жизни. Основным источником образования общеупотребительных военных лексем являются СМИ, художественная литература, в первую очередь военная проза,

тоже вносит свой вклад в этот процесс. В результате продуктивных словообразовательных процессов, например, с помощью универбации, аббревиации или путём добавления таких продуктивных или непродуктивных аффиксов, как анти-, -щина, -маниј(а), -ник/-ик, -к(а) и др., оригинальные военные лексемы дополняются в массмедийных текстах общевоевыми лексемами. Иногда слова возникают в рамках определённого контекста, а затем, с исчезновением этого контекста, также выходят из употребления; есть слова, которые не только сохраняются, но и переходят в другие сферы употребления. Общеупотребительные слова могут, в свою очередь, стать источником пополнения специальной терминологии.

Таким образом, военную лексику можно найти не только в армейском дискурсе, но и в гражданском, экономическом, спортивном, культурном контекстах. Выход военных терминов за пределы узкоспециализированного обихода не случаен и объясняется не только лингвистическими, но и экстралингвистическими причинами. Очевидно, что те термины, которые употребляются только внутри узкого круга специалистов, не попадают в общелитературный язык, однако здесь есть несколько пограничных зон, в которых некоторые термины могут входить в общее употребление, другие приобретают переносное значение, основанное на чувственном, в первую очередь слуховом (*как выстрел*) и зрительном восприятии реальности окружающего боя человеком, участвующим в боевых действиях или иных состояниях противостояния.

Военную лексику можно найти не только в армейском дискурсе, но и в гражданском, экономическом, спортивном и культурном контекстах. Выход военных терминов за пределы его узкоспециализированного обихода не случаен и объясняется не только лингвистическими, но и экстралингвистическими причинами. Очевидно, что те термины, которые употребляются только внутри узкого круга специалистов, не попадают в общелитературный язык, однако здесь есть несколько пограничных зон. Так, некоторые термины входят в общее употребление, а другие приобретают

переносное значение. Пул общеупотребительных слов может, в свою очередь, стать источником пополнения специальной лексики.

Относительно употребления военной лексики в жанре современной фантастики, стоит отметить широкое распространение функционирования лексических единиц военной тематики в таких стилистических приёмах, как сравнение, метафора, аллегория, олицетворение.

С помощью указанных средств выразительности, построенных на основе военных лексических единиц, автор реализует полную реализацию эффекта «присутствия» у читателя. Читатель погружается в повествование и чувствует эмоции и ощущения героев за счет интересных метафор, подробно описывающих происходящее.

Военная лексика в романе «Ночной дозор» представляет крайне важный элемент повествования и занимает важное место среди лексических единиц, относящихся к другим группам. На наш взгляд, в данном романе военная лексика является основополагающим средством для передачи семантического содержания произведения и погружения читателя в атмосферу мира дозоров.

В произведении военная лексика выполняет множество различных функций, однако наибольшее употребление военные лексические единицы получили в составе сравнений. На наш взгляд, употребление военной лексики в составе сравнений в жанре фантастики способствует погружению читателя в атмосферу происходящего в повествовании.

На наш взгляд, сравнение с использованием военной лексики в романе, который относится к жанру фантастики, способствует появлению у читателя чувства реальности происходящего, так как реальность и вымышленный мир переплетаются между собой, чему способствует именно сравнение, как средство выразительности в текстах художественного стиля.

Список использованной литературы

1. *Амири Л.П.* Словообразовательная игра: к вопросу о количественном соотношении окказиональных существительных, прилагательных, глаголов в текстах рекламного дискурса // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. – 2011. – №3. – С. 44–54.
2. *Бабенко Л.Г.* Лексикология русского языка. Учебно-методический комплекс. — Екатеринбург: Уральский государственный университет им. А. М. Горького, 2008. — 126 с.
3. *Багрянцева Г.И.* Военная лексика в «Записках» Г.Р. Державина // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2009. – №4. – С. 81–87.
4. *Бекетова Н.А.* Язык СМИ: функциональный подход к описанию словообразовательных моделей // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2014. – Т. 21. – №6 (177). – С.134–140.
5. *Беликов В.И., Крысин Л.П.* Социоллингвистика: Учебник для вузов. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. – 317 с.
6. *Богданова С.И., Могилина А.В.* Использование военной лексики в гражданской сфере // Современные наукоемкие технологии. – 2013. – №7 (1). – С. 66–67.
7. *Бойко Б.Л.* Военная лексика в оригинале и переводе (на материале романа Э.М. Ремарка «Возвращение») // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. – 2016. – №2. – С. 88–98.
8. *Бойко Б.Л.* Военная лексика в речевом общении // Вопросы психоллингвистики. – 2015. – № 25. – С. 44–53.
9. *Виноградов В.С.* Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы): учебное пособие / В.С. Виноградов – М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
10. Военный юмор / сост. Г.А. Судзиловский. — М.: Воениздат, 1967. — 37 с.

11. *Вороной В.В., Загайнов С.С.* История заимствований военной лексики в русском языке // *Язык и культура: сборник статей XXVII Международной научной конференции.* – Томск, 2017. – С. 177–180.
12. *Гатауллин Р.Г.* Некоторые вопросы словообразования по аналогии // *Вестник Башкирского университета.* – 2012. – Т.17. – №1(1). – С. 475–479.
13. *Горбань Л.В.* Военно-морская лексика русского языка в синхронии и диахронии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Мурманск, 2008. – 25 с.
14. *Демидович Т.В.* К вопросу о лексико-семантических группах военной лексики // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета.* – 2013. – С. 70–74.
15. *Денисова Э.С.* Активные словообразовательные процессы в языке современных СМИ // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского.* – 2010. – №4 (2). – С. 507–510.
16. *Дурду Б., Агеева Ю.В.* Функционирование военной лексики в языке СМИ // *Балтийский гуманитарный журнал.* – 2019. – Т. 8. – № 1 (26). – С. 35–38.
17. *Желтухина М.Р., Магомадова Т.Д.* Лексико-фразеологическая специфика военной метафоры в современной прессе // *Вестник Российского университета дружбы народов: серия Теория языка. Семиотика. Семантика.* – 2012. – №1. – С. 39–49.
18. *Казак М.Ю., Бекетова Н.А.* Современное словообразование в массмедиа: основные процессы в суффиксальных именах существительных // *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания.* – 2012. № 12 (131). Вып. 13. – С. 137–145.
19. *Кокова Л.А.* К вопросу о структуре военных жаргонизмов в современных английском и русском языках // *Университетские чтения. Пятигорский государственный университет.* – 2008. – Ч. 3.
20. *Коровушкин В.П.* Введение в изучение англоязычного военного жаргона. – Ч. 1. Теоретические основы и проблематика социолектического описания. Череповец: ЧВВИУРЭ, 1989.

21. *Кременецкая И. В.* Тематическая группа как парадигматическое объединение слов // *Linguamobilis*, 2009. – №3(17). — С.94–98
22. *Моисеев А.И.* О языковой природе термина // *Лингвистические проблемы научно-технической терминологии.* – М.: Наука, 1970. – С. 127–138.
23. *Мосиенко Л.В., Миначева Д.В.* Функционирование военной лексики в газетно-публицистических статьях // *Инновационные научные исследования: теория, методология, практика.* – 2017. – С. 195–197.
24. *Нетяго Н.В., Дюзенли М.В.* Лексикология современного русского языка: краткий курс для иностранных учащихся: [учеб. -метод. пособие]. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. — 100 с.
25. *Путятин В.С.* Военная лексика в языке газет (на примере издания «Сталинградская правда»): учебно-исследовательская работа. — П. Малиновка, 2014. – 16 с.
26. *Реформатский А.А.* Введение в языковедение. — М.: Аспект Пресс, 1996. – 536 с.
27. *Рублева О.Л.* Лексикология современного русского языка. Учебное пособие, — Владивосток, 2004. — 257 с.
28. *Сафаров Р.Т.* Военная лексика татарского языка: Дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2015. –196 с.
29. *Сороколетов Ф.П.* История военной лексики в русском языке (XI–XVII вв.). – Изд. 2-е, доп. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 384с.
30. *Степина Т.А.* Эволюция стереотипов русского воинского общения: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Елец, 2005. – 22 с.
31. *Третьякова Л.Н.* Лингвострановедческий подход к русской военной лексике и его учебная реализация: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1995. – 18 с.
32. *Уланов А.В.* Лексические особенности русского военного дискурса XIX века (региональный аспект) // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке.* – 2013. – № 4. – С. 51–55.

33. *Уланов А.В.* Семантические сдвиги в военной лексике XVII–XVIII веков (на материале источников деловой письменности) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2008. – С. 145–147.
34. *Филин Ф.П.* Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи // Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена. -Т.80. – Ленинград: Ленгорисполком, 1949. – 166 с.
35. *Шевчук В.Н.* Производные военные термины в английском языке: Аффиксальное словопроизводство. – М.: Воениздат, 1983. – 231 с.
36. *Балашова Т. А.* Художественные особенности серьезно-смеховой фантастики: на материале научно-фантастического романа Великобритании: дисс. ... к. филол. н. Балашов, 2003. 188 с.
37. *Белокурова С.П.* Словарь литературоведческих терминов. – СПб.: Паритет, 2012.
38. *Яковлева Е.А., Ирназаров Э.Н.* Особенности именованя образцов оружия и военной техники в актуальном информационном дискурсе // Российский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7, №2. С. 132-140.
39. *Багрянцева Г.И.* Военная лексика в «Записках» Г. Р. Державина. Вестник Костромского государственного университета, 2009.
40. *Б. Корнуэлл*, 1988. С. 17-22; Мэчери, 1978. С. 61
41. *Виноградов В.С.* Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы): учебное пособие / В.С. Виноградов – М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
42. *Логинов С.* Русское фэнтези - новая золушка. Москва, 2005
43. *Назин А.С.* Сопоставительное исследование метафор в романе Дж.Р.Р. Толкина "Хоббит, или Туда и Обратно" и его переводах на русский язык: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.20 Екатеринбург, 2007. –201 с.

44. Лукьяненко С. Проводник отсюда. Авторский сборник. – М.: АСТ, Транзиткнига, 2006. – 944.
45. Гончаров В., Мазова Н. Толпа у открытых ворот. – М.: Если, 2002, № 3.
46. Веселовский А.Н. Исторической поэтика. – М.: Высшая школа, 1989
47. Лукьяненко С.В. Ночной дозор. – М.: Издательство АСТ, Neoclassic, 1998
48. Лукьяненко С.В. А. Шушпанов Школьный Надзор. – М.: Издательство АСТ, Neoclassic, 2014

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

1. Военная энциклопедия. Т. Таджикский – Яшин / гл. ред. С.Б. Иванов. – М.: Воениздат, 2004. – 579 с.
2. *Жеребило Т.В.* Словарь лингвистических терминов. – Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: Пилигрим, 2010. – 171 с.
3. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 688 с.
4. Министерство обороны Российской Федерации: сайт // Военный энциклопедический словарь. URL: <http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/list.htm> (дата обращения 01.04.2022).
5. *Кононенко, Б.И.* - Большой толковый словарь по культурологии
6. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1992. – 960 с.
7. *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.
8. Словарь военных терминов / сост. *А.М. Плехов.* – М.: Воениздат, 1988. – 335 с.
9. Толковой словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. *Г.Н. Складневской.* – М.: Эксмо, 2008. – 1136 с.
10. Советский энциклопедический словарь: словарь / гл. ред. *А.М. Прохоров;* ред.: М.С. Гиляров, А.А. Гусев, И.Л. Кнунянц. - 2-е изд. - М.: Советская энциклопедия, 1983. - 1600 с.